

Елена Княжина

АНЖАРСКАЯ АКАДЕМИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ЛЮБОВНЫХ ЧАР

Annotation

Воздух Анжара пах весной. Раньше Альвар Граймс, прожженный циник, этого не замечал. Но сегодня, стряхивая с ладоней осколки флакона с «Жетемией», стал видеть больше. Чувствовать... иначе. Любовное зелье Граймс выпил случайно. И знал, что к утру оно сведет его с ума, сожжет дотла... Агония уже начиналась, но он пообещал себе, что будет бороться до конца. Потому что прекрасно знал, куда заведут его желания.

- [Елена Княжина](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [От автора](#)
-

Елена Княжина

**Анжарская академия. Теория и
практика любовных чар**

Пролог

— Крис, ты уверен, что нам ничего за это не будет? — шептала я, уносясь в темноту вслед за широкой спиной. — Это все-таки священная земля, да еще и экранами защищенная...

Кристиан Вейрон тянул меня за запястье, и кожа, стиснутая его крепкими пальцами, кипела от предвкушения.

Было почти не страшно, но жутко волнительно. Хотя, Имира Сиятельная, кому я врала?

Коленки тряслись, будто я на магических пружинящих ходулях перемещалась. Тропинка петляла, и я все силы прикладывала, чтобы позорно не завалиться в кусты. Крис не должен понять, что для меня это все внове, впервые и вообще...

— Эль, не нужно бояться. Сегодня ведь праздник любви! — парень обернулся и игриво подмигнул, отчего внутри запорхал такой рой чешуекрылых, что чуть не сбил меня с ног.

Грудь горела: это произойдет сегодня! Случится то самое, от чего моя аура перестанет сиять. Зато засияет сердце — истинной любовью.

Могла ли я неделю назад предположить, что оно будет биться для Криса Вейрона? Первого парня академии, лучшего заклинателя хирургических инструментов, будущего главного целителя королевского двора!

Светлые волосы, собранные в тугой низкий хвост, подпрыгивали на спине Кристиана от быстрого шага. Он не сбавлял темп, и я задыхалась.

Но каждый раз, когда он оборачивался и прожигал меня своими алчущими голубыми глазами, я обретала второе дыхание. И третье, и четвертое... И послушно бежала следом, минуя экраны и иные чары, которыми местные защитили священную землю.

— Ты ведь любишь меня, Эль? Готова на все ради меня? — томным хрипом уточнил Вейрон, притормаживая у раскидистого тура. Прислонил к стволу и, не дав ответить, припал к моим губам, настойчиво разжав их своими.

Отстранился, оборвав горячий поцелуй на половине пути, поднял бровь в ожидании... И я, чувствуя себя совершенно неразумной,

ошалело покивала. Люблю. Ох, как же люблю!

Сейчас я любила его, словно бога. Даже сильнее Варха Всемогущего. И за его благосклонный взгляд готова была отдать все. Не узнавала себя, но постепенно смирялась с тем, что вот такая новая я. Спятившая от чувств, от жара в груди. Безумно счастливая студентка академии Эльза Хендрик.

— Это один из самых старых храмов Варха... — пояснил Крис, мягко подталкивая меня вперед, к лестнице, уходящей в темноту. Розовые лепестки филии, клубившиеся в весеннем воздухе, последовали за нами. — Потом святыни стали строить на горах и возвышенностях. А этот после пары разрывов материи начал проваливаться под землю.

Я оглядела своды подземного храма. Нашла пару знакомых рисунков, наткнулась взглядом на искусную статую обнаженной женщины. Нет, скорее, это был храм Имиры — забытой в веках богини, покровительницы юных дев.

Но я не стала спорить с Вейроном. Сейчас не тот момент, чтобы умничать. Да и нет никакой разницы, где *это* произойдет. Главное, с кем.

Крис всегда добивался своего. Эта его волевая натура подкупала. От парня искрило энергией, упорством, знанием собственной цены. Я не сомневалась, что он возьмет свое. Все, что пожелает. Место при дворе, карьеру в Хитане... и меня. И никто не посмеет ему отказать.

— Эль, детка, как я жажду вкусить твои дары, — шепотом прокатилось по затылку, и рука Криса легла на мой живот. — Ты ведь для меня что-то приготовила, правда?..

— Почему здесь? — я обернулась к парню и позволила подхватить себя за талию.

Вейрон с легкостью приподнял меня над надтреснутым полом старого храма и перенес на продолговатый камень. Гладкий, ровный, только жутко холодный. К земным недрам весна еще не добралась.

— Хочу, чтобы ты стала моей перед богами, Эльза, — севшим голосом уверил он меня и погладил колено, нахально забравшись под юбку.

Ощущение было новое, необычное... Ко мне никогда еще не прикасался мужчина. *Так* не прикасался.

Конечно, я бывала на осмотрах целителей, да и мы на практике часто «диагностировали» друг друга... Но в том, как щекотно подушечки его пальцев скользили по моей коже, все выше и выше, было что-то запретное. Интимное. Волнующее.

Хоть алтарь забытого храма — последнее место, где я могла бы представить себе первую ночь с мужчиной... Но сейчас все, что нас с Крисом окружало, теряло всякую значимость. Расплывалось, превращаясь в одно большое золотисто-черное пятно.

— Ты приготовила мне подарок, Эль? — игриво шептал парень, наматывая струящуюся ткань платья на свой кулак.

— А чего бы ты хотел?

— Сегодня праздник любви... и я хочу получить любовь, — хрипел в мое ухо. — Любовь чистой девушки Эльзы Хендрик, так бесстыдно сияющей, что хочется зажмуриться...

— Ты видишь мою ауру, Крис?! — испуганно прошептала, ускользя от него дальше по алтарю. Но натянутая ткань платья грубо остановила мой побег.

— Я ведь уже сир, детка, — он облизнул губы в предвкушении. — Я много чего вижу, что не дано другим.

Да, верно: в начале года мы оба досрочно прошли экзамен на звание сира. Так что, пожалуй, неудивительно, что Крис выбрал меня. Хотя нет... Все-таки удивительно.

Заучка, зубрила, «кошмарная Хендрик» — как только ни называли меня в академии. Несправедливо, ей Варху! Внешностью я обладала вполне обычной, заурядной, но все-таки не кошмарной. И в практике преуспевала ничуть не меньше, чем в теории.

Но Кристиан умный мужчина и думает о будущем. О наследии, о генах, об искре. В Эррене принято искать магическую пару себе под стать. Так что не стоило мне так сильно удивляться его приглашению.

Я же два часа мерила нервными шагами комнату. Еще столько же выбирала платье. И минимум тридцать минут причесывалась, умиряя непокорных «квахаров» на голове (спасибо змеюке Меридит!).

Зато к назначенному времени я была очень даже хорошенькой. Взволнованной, румяной, с убранными в гладкий пучок русыми волосами. В нарядном черном платье с ажурными рукавами. Сама себя в зеркале не узнала! Да и юный сир Вейрон, судя по замершему вдоху, остался мной доволен.

— Так ты подаришь мне свою любовь? — не унимался он, поглаживая пальцем мой подбородок.

— Она твоя, — пожала плечами, ощущая, как внутри искрит. Кипит. Обжигает. Тоже облизнула губы, повторяя за ним, улыбнулась. — Я вся твоя, Кристиан Вейрон. Дарю...

— О большем я не мог и мечтать, — кивнул он удовлетворенно, забрасывая мои ноги на алтарь и порывисто задирая юбку. — А теперь, Эльза Хендрик, я заберу свой подарок... отданный добровольно и по любви.

Его напряженная челюсть вдруг оказалась ровно над моим носом, и мое взволнованное тело вжало в камень всем весом Кристиана Вейрона.

— Не торопись так, — попросила, чувствуя, как превращаюсь в анжарский блин под немислимо тяжелым парнем.

Вздрогнула испуганно, когда он потянул шнуровку на груди. Запоздало вспомнив, что мы с ним едва знакомы. Каких-то несколько дней!

— Я не могу ждать, Эль. Я и так слишком долго...

Да как же долго? Неужто Кристиан чувствовал что-то ко мне до того, как впервые подошел?

Ох, романтика Ахавы...

Неделю назад Вейрон попросил у меня конспекты по «Теории магии», а вчера пригласил на прогулку по территории академии... Мы болтали час или два, в основном, о нем и его грандиозных планах.

Юный сир Вейрон всегда получал то, что хочет. А хотел он должность целителя при Его Величестве. Я слышала, что владыка Эррена много путешествовал по Междумирию и был известным «проходимцем». Порой возвращался из своих миссий едва живым, но не унимался.

Ходили слухи, что он ищет себе жену, но пока находит только неприятности да проклятия. И сейчас, когда весна вбивалась в ноздри цветочными ароматами, вселяя романтику даже в зануд вроде меня, мне очень хотелось счастья для всех. Особенно для Его Величества.

При короле всегда был целитель, способный ходить между мирами. Дар довольно редкий в Эррене. Старый маг давно готов был уступить место молодому, столь же одаренному. И Вейрон был уверен, что должность достанется ему, едва он получит диплом.

Об этом мы и говорили. Вчера, в саду, разбавляя беседу легкими поцелуями и деликатными прикосновениями...

А сегодня я оказалась тут. Но как? Как мои глупые ноги привели меня ночью в заброшенный храм с едва знакомым парнем?

— Подожди, Крис! — выдохнула ошеломленно, удивляясь чувствам, разрывающим мою обычно спокойную грудь. — Я тебя люблю, очень люблю, просто...

Странно. Чувств ведь не было совсем недавно. Я знать не знала, что за человек Крис Вейрон, чем он живет, о чем грезит. Видела издалека его на полигоне — всегда на первой линии атаки, всегда с упертым, яростным оскалом... Рвущегося к победе. К первому месту в любой магической дисциплине.

А тут вдруг — влюбилась с первого взгляда. С первого вдоха в его объятиях. С первого глотка воды, протянутой мне Крисом в академической столовой.

У меня тогда началась дикая аллергия, я расчихалась, чуть не задохнулась... Все просто смотрели на приступ. А он был рядом и помог. Приобнял, отвел в сторону, подальше от насмешливых взглядов. Напоил и дождался, когда я приду в себя.

А потом так смотрел... Долго, пристально, глаза в глаза. Так все и началось.

Я попросту сошла с ума. В груди саднило, стоило нам надолго расстаться. Я еле дождала до вечера, дожидаясь нашей встречи. Пошла бы за ним всюду, куда бы он ни позвал.

— Ты слишком много думаешь, Эль. Расслабься, — велел парень, торопливо разбираясь с ремнем.

— Хорошо. Я попробую, — кивнула смущенно.

Я ведь люблю его, так люблю... К чему сомнения?

В храме посветлело, и мой взгляд сфокусировался на свечах. В чьих-то руках. Слева, справа, позади Вейрона... Мы тут не одни?!

Фигуры приближались, что-то бормоча. Капюшоны почти не прятали освещенных лиц, и в левом силуэте я узнала Меридит тэль Блан. Рыжая змея, на которую я извела весь запас чесоточного порошка пролонгированного воздействия!

— Тэль Блан?! — я ошалело подскочила на локтях, но Крис настойчиво вернул меня на камень.

Какого гхарра она тут? В самый интимный, самый важный момент в моей жизни?!

Всякий раз, когда мы с Меридит оказывались на магическом полигоне, она умудрялась усадить меня в лужу. А потом долго смеялась над «неуклюжей Хендрик». Но чесоточный порошок ей достался не за лужи, а за изоощренное проклятие, которое я до сих пор не смогла отодрать от своих и без того непослушных волос.

— Вы чего вылезли? — подавился Кристиан, замирая с пряжкой в руке. — Для кого был план? Для Имиры, гхаррово копыто тебе в печень, Сиятельной?

— Вейрон, поторопись, — бесстрастно прошипела змея, снимая капюшон. — Братья Кронти разбили один из экранов. На нем висели сигнальные чары. Если нас тут поймают за запрещенным ритуалом...

— Замолкни, Блан. И не торопи. Не тебе забирать дары у «кошмарной Хендрик», — прокряхтел Крис, нависая надо мной на руках. — Меня сейчас, может, вывернет прямо на алтарь, а ты бубнишь над ухом, как старая квахарка...

— Не такая она и кошмарная, — фыркнули справа, и в голосе я узнала Тину тэль Абрэ со стихийного. — Давай, Вейрон, достало тут мерзнуть. Тебе нужен дар проходимца или нет? Такая ночь бывает раз в году!

Реальность обрушилась на меня без предупреждения. А лучше бы потолок.

Я заерзала на алтаре под неподъемной тушей Кристиана, с ужасом утопая в его голубых озерах. Ледяных-ледяных, полных решимости.

— Крис... нет... — в отчаянии замотала головой, по инерции рассчитывая на его симпатию. Иллюзорную, ненастоящую. Но хоть какую-то.

Чувства, разрывавшие мое сердце, были до болезненного настоящими. Моими, реальными.

— *Прими чистое сияние этой девы, отданное добровольно и из любви,* — бубнил парень, срывая с меня остатки ткани, нас разделявшей. — *И одари нас, о Всемогущий Варх, твоих подданных, по заслугам и по желанию...*

Из его кармана на камень выпал стеклянный бутылек. Распался на несколько осколков, окропив алтарь розоватыми брызгами. Я с

растерянной обидой узнала в них «Жетемию». Зелье страсти, любовной агонии...

— Не смотри ни на кого: есть только ты, Эль, и только я. Сосредоточься на этом. Ну же, детка! Ты уже должна гореть... — с укором ворчал Кристиан, разыскивая что-то ускользающее в моем лице.

И я горела. Пламя, что рвалось изнутри, опаляло кожу. На лбу проступила испарина, сознание уплывало. И даже камень уже не казался холодным. И присутствие свидетелей не смущало.

Эта агония должна была прекратиться... Пока я не сгорела в ней окончательно.

— Потерпи, Хендрик. И хватит обиженно морщиться, это меня сбивает с настроения, — пропыхтел Вейрон, и сосредоточенная морщина пролегла на его лбу. — Все не так и плохо, да? Когда еще ты окажешься с парнем наедине?

Никогда... Никогда не окажусь. Теперь я знала это совершенно точно. Никогда не позволю к себе никому прикоснуться.

Утопая в агонии ненастоящей страсти, я и ненавидела Кристиана, и любила его до беспамятства. Это сводило с ума, отравляло веру в себя. В людей. Ее во мне и без того немного было.

«Тебе нужен дар проходимца или нет?»

Крис жарко целовал шею, пытаясь сильнее разжечь пламя, и без того меня пожиравшее. А в мою рациональную голову приходили догадки одна за одной.

Все встало на свои места. День сиятельных божественных даров, праздник весны и процветания... Запрещенный ритуал, забытый храм, зелье страсти. И добровольная жертва, принесенная по любви.

На нашей вчерашней прогулке Крис признался, что планирует взлететь высоко. Как и я, он уже получил статус сира: его талант был неоспорим. Единственное, что отделяло его от работы при дворе — способность ходить порталами. Переходы между мирами парню не давались.

— Я... п-передумала, — сглотнула шепотом, едва дыша под тяжеленным телом. — Я... забираю свои дары... Я отказываю... Я тебя не люблю. Это все неправда, твой ритуал не сработает. Ты просто лживый... мерзавец... и не заслужил внимания богов.

— Брось, детка. Нельзя забирать подарки, — насмешливо ворчал гаденыш, желавший ценой моей боли и унижения купить себе пропуск в королевский двор. — К тому же ты горишь, как вархов факел. Агония убьет тебя к утру, если не дать ей выход...

— Пусть... убьет, — выдохнула жалобно. — Но только не так... только не так...

Крис продолжал меня целовать. Гладить. Прикасаться *так*, как ни один целитель на диагностике себе не позволил бы. Иначе тут же лишился бы магической практики.

Омерзительное хихиканье Меридит отравляло воздух, и мне расхотелось дышать. Чернота заливала глаза, я едва видела точеный профиль парня. Каменный живот пульсировал, забирая меня в воронку ненастоящих чувств.

Я скребла ногтями алтарь, дрожа от унижения, сгорая от навязанного желания. Слезы катились по горячим вискам, падали на холодный камень. Пересохшие губы сами по себе шептали: «*Имира... Имира... Имира...*».

Но Сиятельной богине не было до меня дела. Она сама пала жертвой жестокой воли богов.

Обиднее всего было, что Меридит на это смотрит. И, видит Варх, никогда не забудет.

— Не трясись ты, Хендрик... Будет не больно. Как детеныш каффы укусил, — бормотал Вейрон успокаивающе, пока я содрогалась под ним от рева. — Ты ведь сейчас хочешь этого даже больше, чем я...

Нет! Не тут, не так... не с ним... Из груди вырвался нечеловеческий вой, и Крис отшатнулся, схватился зачем-то за ремень брюк, до сих пор не спущенных.

А я больше не видела его лица. Только черноту. Она врывалась в храм сквозь щели в полу, из земных недр, а то и вовсе с изнанки бытия.

По алтарю прошла трещина, и я со всеми своими порванными юбками скатилась вниз. В другую от Вейрона сторону. Ударилась о камни, ушибла затылок, забилась в ближайший укромный угол у подножия красивой статуи. Задышала поверхностно, быстро, как загнанный зверь.

Черные тени то соединялись в клубок, то бросались врассыпную. Кидались на студентов в глупых балахонах, и те, закатывая глаза,

оседали в магическом обмороке.

Свечи гасли одна за другой, храм заполнялся темнотой... Лишь ошалевшие голубые глаза Криса продолжали сверкать в опасной близости от меня.

— Да будь ты проклят, Кристиан Вейрон, — прохрипела еле слышно, потной рукой скользя по статуе и пытаюсь подняться.

Сил в ногах не было, ужас от того, что чуть не случилось, захлестывал мысли. Грохот в храме стоял такой, словно его сверху взрывал чарами маг-гвардейский полк.

— Эльза... Сюда иди, тут сейчас все рухнет! — Крис протянул мне руку, но я отползла назад.

Никогда. Никогда больше ко мне не притронется ни один мужчина.

Этого не случится. Нигде. Никак. Ни с кем...

— Да чтоб ты однажды сам полюбил так, что сердце разорвется! — шипела на него затравленной каффой, чувствуя, как живот по-прежнему жарит желанием. Желанием этого негодяя. — Чтобы эта любовь мучила тебя и съедала. Чтобы ты страстно желал именно того, что никогда не сможешь получить. Чтобы любил ту, кем не можешь обладать.

— Хендрик, не глупи. Ничего же не случилось. Забудь. Пойдем! — рывкнул на меня Крис, нервно тормоза лежащую Меридит.

— Чтобы страсть разрывала тебя, не давая жить в мире с собой, — я медленно покачала головой, размазывая слезы по горячей щеке. — Пока однажды не сожрет до конца. Опалив дотла. Обратив пеплом все, кем раньше был Кристиан Вейрон.

— Ну и оставайся, квахарка... — бросил парень, взбегая вверх по ступеням.

— Будь ты проклят, Кристиан Вейрон. Будь ты проклят до того самого дня, пока моя аура не перестанет сиять... — шептала, сгорая в бессердечной агонии. — А она никогда не перестанет, гхарр ты... блудливый! И пусть боги п-примут... мою клятву... и мою невинность... в залог...

Ненастоящее проклятие растаяло на губах серой дымкой, и я отключилась, убаюканная грохотом разрушающегося храма.

Глава 1

Десять лет спустя

Альвар Граймс

— Не входите! — рявкнул Альвар на скрипнувшую дверь, как на злейшего врага.

Мог бы испепелять взглядом — непременно испепелил бы. Вместе со входящей.

Надо было раньше додуматься запереть на замок, а не глупо коситься на осколки! А теперь уж поздно: в кабинет влетело, стуча каблуками, его наказание.

— Альвар, это не ваша личная территория, — хмуро напомнила мисс Хендрик. — Мне нужны результаты диагностики моих новых учениц.

— В такое время? Вас ничего не смущает, Эльза? — выдавил сквозь стиснутые зубы.

В кабинет заползала ночь, которая тоже была некстати.

— Я предупреждала, чтобы Райс не таскал девочек на полигон без моего разрешения! — нервно верещала невозможная женщина. — И вот... вот он, результат...

— Пошла вон... — взвыл Граймс, отрешенно косясь в распахнутое черное окно, из которого до носа долетали запахи весны. Ненужные и неуместные.

За что ему эта кара Вархова?

Сначала записка сбежавшей ассистентки, затем восстанавливающий тоник, оказавшийся вовсе не тоником... А теперь еще Хендрик, обнаружившая в себе внезапную бессонницу!

— Граймс, вы переходите все границы. Отдайте папки и прекращайте общаться со мной в таком тоне.

— А то что? Опять попробуете мне чесоточный порошок подсыпать, Эльза? Пролонгированного, Варх дери, воздействия? — он резко обернулся, сталкиваясь с неоципанной квахаркой глазами.

Только потом осознал, какую оплошность совершил. От этого праведный гнев пуце прежнего растекся по венам.

— Рано или поздно мне это удастся, сир Граймс, — заверила беспардонно сияющая «теоретичка», каждый раз ослепляющая его своей невыносимо чистой аурой. Кто-то назвал бы такое чудом, но Альвар отдавал предпочтение версии с кошмаром.

Драное «солнышко» с бешеными квахарами на голове вторгалось в его диагностический кабинет стабильно не вовремя. Но хуже времени, чем сейчас, оно придумать просто не могло!

— Ваши новые ученицы... Невозможная мисс Хендрик... Не явились на диагностику, — зло прошипел Граймс, выбираясь из-за стола и спиной отходя к окну. Побег показался не таким уж паршивым вариантом, и даже высота его не смущала. — И рискуют нарваться на ампутацию мозгов, если попадутся мне на пути.

— Это все ваша отвратительная манера общения, — она закатила глаза и процокала по кабинету дурацкими туфлями с квадратными носами. Такие вышли из моды лет десять назад. Или тысячу. — Девочки предпочли страдать от магрени, лишь бы не идти вечером в целительский корпус!

— Уверю вас, наивная мисс Хендрик, — он сделал несколько шагов к молодой преподавательнице и затормозил перед ее вздернутым носом. Нагнулся, принюхался. С каких пор Эльза так приятно пахнет? — Ваши «девочки» предпочли этим вечером *другое*.

— Это что же? — она растерянно поморгала.

— Они предпочли стать женщинами, моя невыносимая, — процедил хрипло, с удовольствием наблюдая, как на щеки невинной тридцатилетней теоретички наползает красная краска. Это развлечение Граймсу никогда не надоедало. — Сегодня, если мне не изменяет память, праздник сиятельных даров... Весна, любовь и прочая чепуха, нам с вами, к счастью, не знакомая.

— И верно, — Эльза сглотнула и нервно одернула юбку. — К счастью.

— Уверен, сир Райс сейчас рыщет по кустам и обеспечивает ваших учениц очередным приступом магрени. Студенты, знаете ли, до какой только ереси в этот день не додумываются, — выдохнул ей прямо в румяное лицо, позабыв на секунду о своей щекотливой проблеме. — Моя драгоценная, ни гхарра не знающая мисс Хендрик...

— Вы правы. Я совершенно не в курсе, как у студентов принято отмечать «весенние дары», — пробормотала она отрешенно.

— Будто сами в академии не учились, ей Варху! — раздраженно фыркнул Альвар, возвращаясь к окну.

Зелье начинало действовать, и от гостыи следовало избавиться поскорее.

— Меня больше увлекали книги, — поморгала Эльза, переступая каблуками, как породистая лошадка, готовящаяся припустить в любой момент.

Взгляд Граймса проехался по точеным щиколоткам, норовящим спрятаться под подолом строгой преподавательской юбки. Вот ведь дрянное зелье.

— Уходите, мисс Хендрик, пока я не рассказал вам, как сам, будучи студентом, отмечал «весенние дары», — едко бросил Альвар, отводя взгляд. — А то, боюсь, у вас краски для щек не хватит.

Дверь хлопнула, едва он отвернул голову, и Граймс медленно выпустил пар изо рта. Куда бы он ни посмотрел, перед ним висели в воздухе ее призрачные глаза. Светлые, опущенные длинными, выгоревшими на солнце ресницами. Вархова галлюцинация...

Эльза их никогда не подкрашивала, словно намеренно пыталась выглядеть менее привлекательной, чем есть.

Привлекательной... Тьма! Как он мог так проколоться? Как?

Граймс разжал кулак, вспомнив, что все это время сминает осколки флакона. Остатки «Жетемии» розовыми струйками растекались по коже, впитывались в ранки, оставленные стеклом. Сушая мелочь... Свою порцию он уже выпил. Не глядя.

Убил бы мисс Лонгвуд! Да поздно — рыжая ассистентка сбежала этой самой ночью, бросив заявление на увольнение ему на стол и разворошив половину диагностического.

Граймс с неодобрением покосился на перевернутую кушетку... Неужели Алиссе настолько опостылела эта должность? Или его «манера общения» и впрямь отпугивает? Казалось, всем давно пора к ней привыкнуть. Он не пушистый детеныш каффы, чтобы рождать умиление и всем нравиться.

«Жетемия», «Жетемия»... Кто вообще (из тех, кто в своем уме) ставит любовное зелье на полку с восстанавливающими тониками? Нет, он, конечно, себя в тонусе теперь ощущал... Еще в каком, Варх его раздери, тонусе!

Может, это был прощальный «подарок»? Мисс Лонгвуд видела, как старательно выставлял он свои любимые тоники на полку пару дней назад... Знала, что иной раз, измотанный магическим откатом, пьет их не глядя. Добираясь до шкафчика со снадобьями наощупь.

Но стала бы сбежавшая помощница доверять месть случайности? Нет, мисс Лонгвуд влила бы гадость ему в термос! Вместе с чесоточным порошком. Странно, что они с Эльзой до сих пор не объединили усилия.

Граймс стряхнул с ладони крошево стекла, наскоро обработал ранки. Захлопнул окно, отрезая себя от ароматов первоцветов. Весна весной, но это вархов перебор.

Сердце защемило, в груди гулко бухнуло... Любовная дрянь начинала действовать. Альвар вдруг решил, что как-то слишком грубо поговорил с мисс Хендрик и ему надо перед ней непременно извиниться... Придет же в голову!

Он устало упал на кушетку, растянулся, глядя в потолок. Привязать себя ремнями, пожалуй, не самая дурная идея, но наутро он будет выглядеть поистине глупо...

Перед глазами двоилось, откат его измотал. Вечером его вызывали в деревню, и Граймс несколько часов провозился со старухой, по колено застрявшей в болотных чарах.

О своих визитах в фермерские земли он старался не распространяться — не дай Варх, пририсуют к его гадкой репутации человеколюбие. Так что просто перебрросил ночное дежурство на ассистентку, а сам взял вояжер и поехал на окраину Анжара.

Обратно в Академию он плелся на едва волочащихся ногах. Восстанавливающее снадобье нашел на привычной полке, в привычном месте. Даже разницы во вкусе поначалу не ощутил. И лишь затем взглянул на этикетку, свидетельствующую о начале конца.

Видимо, мисс Лонгвуд перед побегом навела «порядок». Странное рыжее создание, упорно старающееся делать все по правилам, но с невероятным хаосом в жизни собственной...

Он-то думал, они сработаются. И вот — записка. До которой Альвару, впрочем, сейчас не было никакого дела. Почему сбежала, куда...

Были проблемы посерьезнее. Он только что выпил вархову «Жетемию»! Целый, бешеный гхарр его затопчи, бутылек! После чего

первой увидел Эльзу.

Ее образ безнадежно впечатывался в сознание. Весь, от изящных щиколоток до прозрачных глаз, включая «квахаров» на светло-русой голове и пренебрежительно поджатые губы «теоретички».

В голову упрямо вползали навязчивые мысли... О том, что можно открыть окно и насладиться чудным ароматом любви, разлившимся в анжарском воздухе. Или догнать вархову мисс Хендрик, приподнять юбку и хорошенько рассмотреть, какой вид имеют точеные ножки целиком... Наверняка ведь самое интересное прячется под подолом?

— Попался, сир Граймс, — он цинично хмыкнул, признавая поражение. Шумно выдохнул, прочесал пальцами влажные волосы, поправил форменный халат главного целителя академии.

Нет, конечно, он еще поборется. Не сдастся до рассвета. Он крепкий маг, весьма искушенный, которого мало чем можно удивить. Так что несколько часов агонии как-нибудь переживет... Наверное.

Или же к рассвету желание сожрет его до костей. Вархова любовная магия. Такой прожженный циник, как он, просто не мог попасться в эту ловушку!

И все равно... попался.

Граймс медленно подошел к двери, запер ее на ключ и для надежности навесил защитные чары. Достал из ящика тридцатилетнюю дварфову настойку, которую собирался с максимально язвительным видом презентовать Райсу за помощь в одном вопросе.

Теперь можно спокойно обдумать, как продержаться до утра. Желательно, не спятив. И не испачкав ауру одной бесстыдно сияющей «теоретичке».

Глава 2

Эльза Хендрик

Ночь кралась по академии неумелым воришкой, но я старалась ее не замечать. Тогда, возможно, и она не обратит на меня никакого внимания. Не начнет задаваться вопросами, почему Эльза Хендрик бродит по коридорам серой тенью в столь поздний час.

Как и Граймс, я была неплохо осведомлена, чем занимаются студенты в ночь «весенних даров». Чем угодно, да только не сном! Вот и мне каждый год в канун праздника не спалось.

Весна. Ахава...

Кто-то оставил открытой дверь в воздушную галерею, ведущую в магистерское крыло. И теперь лепестки филии душистым вихрем врывались в академию, заполняя пространство изменчивым розовым облаком.

Весенний запах раздражал, постоянно хотелось чесаться. А лучше бы вообще принять душ и тщательно стереть с себя навязчивый аромат первоцветов.

Я резко захлопнула створку. Пальцы сами собой вывели плетение-сеть, призванное отловить прилипчивые лепестки... Но я вовремя спохватилась и скомкала чары в кулаке. Я давала обет: никакой практики. Только теория магии. Эльза Хендрик больше не сирра.

Нос чесался, распухал на глазах. За десять лет у меня развилась настоящая аллергия на весну. Не на какие-то конкретные цветы, пыльцу, листья... Нет. На романтику. На чувства. На вархов праздник, к которому с раздражающим энтузиазмом готовились мои ученики. Я, конечно, не забыла, какой сегодня день.

Аллергия, да... На любовь. И еще на целителей. Сегодня я собрала полный комплект раздражителей, и потому «квахары» спешно повыпрыгивали из прически. Теперь половину ночи придется приводить волосы в порядок, чтобы к утренней лекции выглядеть прилично.

Сама не знаю, зачем в такое время отправилась к Граймсу. Меня и раньше в канун дня сиятельных даров мучила бессонница, в голову влезали воспоминания... Но я же как-то справлялась?

Впрочем, сегодня все случилось с особым размахом. Грудь распирало дурным предчувствием, и нигде в академии для меня не находилось покоя. Я уже все коридоры истоптала, каждый угол проверила... Нет, нигде.

Как-никак, у самой отвратительной ночи в моей жизни нынче юбилей. Десять лет прошло, а я до сих пор помню ледяные глаза Вейрона. И его шепот, и липкие прикосновения...

Передернув плечами, я направилась к своей спальне. Надо просто смыть с себя гадостные воспоминания. Вытереться пушистым полотенцем, забраться под одеяло. Хорошо бы еще выпить сонное снадобье, но после всего сказанного Граймсом я не решилась его попросить.

К язвительности Альвара я давно привыкла, но продолжала то краснеть, то бледнеть в обществе циничного мага. От видел меня насквозь. Смотрел, щурясь, прямо в сияющую ауру, не забывая напоминать о ней всякий удобный и неудобный раз.

Стекла очков запотели от суматошного сопения, пришлось их снять и положить в карман. Зрение у меня было прекрасным, но привычную оправу я воспринимала как еще одну границу между собой и людьми. Вот бы можно было такую же воздвигнуть между собой настоящей и собой прежней, наивной, обманутой и почти использованной...

За угол завернула широкоплечая фигура, появившаяся и исчезнувшая в коридоре, как дитя ночи. Призрак, мираж. И я усомнилась в прекрасности своего зрения. Даже за очками в карман машинально потянулась. Хоть и помнила, что там абсолютно простые стекла, не заговоренные.

Я оперлась о стену вспотевшей ладонью, сделала глубокий вдох, но кислород будто не поступил. Эти широкие плечи. И низкий светлый хвост, болтающийся между лопаток. И рост точь-в-точь как у Кристиана.

А ему в ночь «весенних даров» делать в моей академии совершенно нечего!

Что за наваждение? Бессонница, аллергия, навязчивые воспоминания — все это я уже проходила. Но галлюцинации? У меня?

Я относилась к себе трезво и понимала, что до сих пор не справилась с тем потрясением. Что отпечаток... след от ботинка,

которым раздавил меня Крис... слишком велик. Но все же не ожидала, что мои дела настолько плохи.

За окном пробежала парочка влюбленных, и я с обидой узнала в девушке одну из своих учениц. Непослушные черные кудряшки и необычно темный оттенок кожи не оставляли сомнений: Граймс прав. И Танна ди Маюртэ действительно прогуливала диагностику в компании... кажется, это был Бэрроу.

Мои плечи напряглись под блузкой, скованность расплзлась сверху вниз по телу. Если он только посмеет! Если он только попробует...

Но будет глупо выглядеть, если я каждую парочку начну вытаскивать из кустов и проверять на одурманенность любовным зельем. Знаю, что глупо... В первый год преподавания я всерьез пыталась этим заниматься.

Заставила всех своих учениц перед Балом Весенних Даров пройти тест на вредные зелья в организме. Даже нашла кое-что запрещенное, блуждавшее по крови ректорской дочки... Не «Жетемию», нет. Другое. Так, собственно, и оказалась в Анжаре: в прошлой академии предпочли со мной расстаться.

Я облизнула губы, покусала до красноты, провожая взглядом убегающие силуэты. Танна, подающая надежды первокурсница, до сих пор не определилась с факультетом. Райс заманивал уроженку Трипольских земель на свою темную сторону. Аргументировал тем, что «в теорию скатиться она всегда успеет».

Магистр и не представлял, насколько прав: я вот так же скатилась из крепкого практика в занудную «теоретичку». Настолько занудную, что самой от себя чесаться порой хотелось. Без всякого порошка пролонгированного воздействия.

«Вы уверены, что хотите перевестись на «Теорию магии», сирра Хендрик?»

«Уверена, сир Дарриус».

«Ваш глупый обет... Этот нелепый отказ от магии выглядит неразумно. Ваше будущее в Хитане, а не...»

«Пока я только доработала чесоточный порошок. Не Варх весть какое достижение, сир».

«Вы только что прошли экзамен, допускающий до высших чар, а теперь предлагаете лишить вас звания сирры?»

«Именно так. Я больше не стану практиковать. Никаких полигонов, никаких ритуалов, никаких луж, никакого Кри... Неважно, сир. «Мисс Хендрик» меня вполне устроит».

Я отчаянно потрясла головой, распугивая «квахаров» и ненужные этой ночью мысли. И решительно зашагала к спальне. Руки мои подрагивали, и я сунула их в карманы юбки. Строгий крой предполагал их в количестве четырех штук, что весьма удобно.

Закрылась в своей норе, именуемой «личным пространством преподавателя», сбросила туфли с уставших ног. Подошла к зеркалу и, не включая свет, наощупь поискала свою расческу. Но в привычном месте она не обнаружилась.

Студенты часто подшучивали над «рассеянной Хендрик»: якобы я вовсе волосы не расчесываю. Но на самом деле на них с первого курса висело проклятие. Подарок от Меридит, прицепившийся намертво. И сколько волосы ни чеши, они все равно вздыбливались бешеными «квахарами», стоило мне занервничать.

Так что расческа у меня была, и отличная, но... Нет. Ее не было. Вот конкретно сейчас — не было! Что за дурацкие шутки? И кому она могла понадобиться?

В отличие от очков, расческа была непростой. Заговоренной. Она могла усмирить «квахаров» хотя бы на пару часов. А если хорошенько расчесаться на ночь, то с утра я выглядела как обычный, только что проснувшийся человек. А не как маг-гвардеец, оказавшийся в эпицентре взрыва темного топлива.

Словом, мне очень нужна была моя расческа. У меня первая лекция. А теория магии, как бы хороша ни была, сама себя не расскажет! Но если все занятие ученицы будут шептаться за моей спиной... то и пускай не рассказывает. Толку-то?

Я включила свет, несколько раз перепроверила ящики. Хотя точно помнила, что утром положила бесценный артефакт на полку под зеркалом. Закралось даже подозрение, что расческу похитила Черная Каффа...

— Глупости, Эльза, — профыркала своему бледному отражению. — Ты знаешь, что глупости!

Или нет. Вообще-то, каффа вполне могла: один раз я видела черный хвост, ускользающий под мою кровать.

Про темную-темную «нечисть» с горящими зеленою глазами любили по ночам рассказывать старшие студенты, пугая первокурсников. Якобы пушистое исчадие сбежало от хозяина и теперь слоняется по коридорам академии и поглощает невинные души...

Каффа по коридорам действительно слонялась. Ничейная, бесхозная, черная, как Тьма, и от кого-то сбежавшая. В руки не давалась и ничьих душ не поглощала. А вот крекеры, остатки ужина и сладости — с огромным аппетитом.

Однажды я видела, как мисс Лонгвуд, рыжая ассистентка Граймса, ее тайком подкармливает. Сначала я хотела отчитать младшую целительницу: всех забытых существ принято относить в магический питомник! Но потом сама стала оставлять кафе лакомства под дверью спальни.

Вчерашней ночью мне удалось неплохо ее разглядеть. Не приближаясь к одичавшей живности, я увидела, что на мохнатой черной шее вместо ошейника болтается медальон с желтым кристаллом. Украшение явно принадлежало кому-то из магов!

Утром мисс Лонгвуд посетовала, что у нее пропала любимая заколка, украшенная зелеными самарудами. А теперь вот исчезла моя фамильная расческа с розовой кварцевой инкрустацией...

Кинув в карман горсть засахаренных колечек альта-цитрона, я вернула ноги в туфли и вышла обратно. В надежде увидеть черный пушистый хвост негодяйки и проследить ее путь до убежища. Мне нужна моя расческа!

Глава 3

Эта ночь с самого начала обещала быть кошмарной. Но ведь рано или поздно над Анжаром взойдет солнце, разгонит черноту Звездносвода, и все закончится?

Хвост одичавшей каффы, равно как и ее нагловатая морда, не появлялись. Внимательно скользя взглядом по темным закуткам, я не раз обошла места, где видела ее раньше. Даже в ректорскую башню заглянула, забравшись чуть не на самый верх.

Будь я каффой, где бы я хранила ворованные безделушки?

Галлюцинации меня не оставляли, намекая, что лучше бы «теоретичке Хендрик» вернуться в целительский корпус. И попросить у Граймса что-то от бессонницы. Пока я последнюю способность соображать в этих коридорах не растеряла!

Мне снова слышался знакомый топот. Наверное, многие мужчины так уверенно вбивают подошвы в полы, но я знала лишь одного.

Потом к топоту примешался голос... с коварной хрипотцой и знакомыми обвинительными нотками. Кристиан был чем-то недоволен и высказывал шаркающему собеседнику все, что думает об анжарских нравах.

Звуки приближались, и в какой-то момент до меня дошло, что еще минута — и я столкнусь со своей галлюцинацией. С кошмаром прошлого. Лицом к лицу! Прямо на узкой ректорской лестнице!

Сбивая толстые, некрасивые, зато устойчивые каблуки, я понеслась вниз. И направо, в воздушную галерею, до боли знакомым маршрутом...

Дверь диагностического кабинета не поддалась, и я обиженно вцепилась в нее носом туфли. Тоже не шибко красивым и теперь даже более квадратным. Зато удобным.

— Кого там еще гхарры принесли? — тон Граймса мне показался более развязным, чем недавно.

— Меня. Меня принесли, — прошептала, прислушиваясь к шорохам.

Мои галлюцинации изменили направление и вместо ректорской башни тоже пошли в целительское крыло. Варх прибери эту

бесконечную ночь!

— Пускай уносят обратно. Вашей сияющей ауры мне тут только... кхм... и не хватало...

— Впустите, Альвар! — отбила себе кулак об неприступную дверь.

Он еще и чары на нее навесил? Во время дежурства? О да, целитель от богов, ну что вы говорите...

— Если не вопрос жизни и смерти, убирайтесь отсюда, мисс Хендрик, — хрипло пробурчал он прямо в дверь. Я слышала, как Граймс привалился к ней с другой стороны.

Бах... Бах... Бах...

Эти ботинки точно принадлежали Вейрону. Они словно марш отбивали. Похоронный, мой.

Его не может быть здесь, не может...

— Это он самый и есть, — нагнулась и с отчаянием простонала в замочную скважину. — Вопрос жизни и смерти!

— Чьей? — едко поинтересовалось «светило медицины», абсолютно равнодушное до чужих бед.

— Моей, Варх вас прибери!

Чары с шипением скатились на пол, замок щелкнул, и дверь приглашающе распахнулась. Я шустро внесла свое тело внутрь. «Запахнула» ее обратно. Дверь вархову. И придвинула к ручке стул. Я бы и чары навесила, но... «никакой практики», да.

— Вы снова совершенно не вовремя, Эльза, — устало пробормотал Граймс, с открытой бутылкой отходя к окну.

Хвала богам Эррена, ночной вид привлекал его куда больше, чем растрепанная, раскрасневшаяся я и стадо разволновавшихся на голове «квархов».

— Вы целитель, Граймс. И сейчас на дежурстве, — с укором покосилась на дымившееся горлышко. — Так вылечите меня, Варх побери. Мне... мне нехорошо.

— А уж как мне «нехорошо»! Едва ли, мисс Хендрик, я вас вылечу. Я пока даже себе помочь не могу, — он задумчивым взглядом пробуравил мятую кушетку. — Впрочем... прилягте. Посмотрим, что можно с вами сделать.

— Я п-постою, — пробормотала с легкой запинкой, поглядывая на запертую дверь.

Какая в ней защита? Призраки прошлого и через стены ходить умеют.

— Мудрое решение, моя сияющая, — согласился невозможный маг. — Так что вас беспокоит?

— У меня бессонница, Граймс. И чесотка из-за весны. И галлюцинации. И еще расческа пропала, как раз когда так нужна!

— Симптомы... неоднозначные, — Альвар озадаченно потер висок и поставил бутылку на стол.

Подошел, деловито поправил на мне блузку. Поджав губы, расстегнул верхнюю пуговицу, душившую меня весь день.

— А с вами что? — нервозно повела плечом. — Заразились от сира Райса любовью к эшерской?

— В-вероятно... Я дам вам снотворное, мисс Хендрик, и немедленно уходите, — Граймс добрел до шкафчика со снадобьями, поглядел на него укоряюще и вытащил какой-то бутылек.

— А что насчет галлюцинаций? — я взволнованно пригладила волосы, которые при этом ничуть не пригладились.

Вархова Меридит... Чтоб ей до сих пор чесалось!

— Они вас обижают, моя драгоценная? — вздохнул Граймс с мученическим видом и поправил ремень под длинным целительским халатом. Чем-то заляпанным. По виду — болотной тиной.

— Пока нет, — растерянно помотала головой. — Но могут. Видит Варх, могут.

Он с сомнением почесал узкий длинный нос.

— Уговорите их подождать до утра. Потом, обещаю, ми-и-илочка, я лично посыплю их пылью трисольских фей и порошком из рога единорога...

— Опять измываетесь! — я лихорадочно растерла щеки и быстро прошлась по кабинету.

Краем паникующего сознания отметила, что Граймс повысил меня до «ми-и-илочки». Или понизил, тут уж как посмотреть.

— Сегодня ночью вам грозит реальная опасность, — док докрасна расчесал горло и зафиксировал на мне тяжелый взгляд. — Запирайтесь покрепче, если ваша аура вам дорога.

— Ваши странные намеки дурно пахнут.

— Все. На выход, милочка. Топ-топ-топ, — он показал пальцами, как мне надобно топтать в сторону выхода.

Но я не сдвинулась с места.

Потому что по ту сторону двери тоже раздалось гулкое «топ-топ-топ». Только топал там, по ощущениям, разъяренный эшерский тролль.

В кабинет раздраженно постучали, и я испуганно закрыла Граймсу рот. Ладонью. Жест настолько мне несвойственный, что изумились мы оба. Целитель с недоумением поглазел на мои пальцы, прижатые к его губам.

— Граймс, вы здесь? — проорали сипловатым голосом ректора. — У меня пострадавший, нужно обработать раны.

Снова стук. Настойчивый, требовательный.

Кто-то ранен? Быть может, сильно?

— Переживу. К утру само затянется, — лениво проворчал топавший. — От чего я сейчас не отказался бы, так это от крепкого анжарского кофе.

Это был Кристиан. Точно он. Настоящий Вейрон, а не вымышленный! Мы ведь оба его слышали, правда?

Серые глаза Граймса острыми клинками впились в мое перепуганное лицо, но док не издал ни звука.

— Такое... вряд ли, вряд ли само затянется, сир Вейрон, — прокряхтел Джонас с той стороны. — Ну что за бардак! Ни главного целителя, ни дежурной...

— Уходите, Эльза, — прошипел Граймс в мои подрагивающие пальцы.

— Вы же видите: я не могу!

Шарканье за дверью никуда не исчезло. Ректор переминался на ногах, не торопясь организовать раненому гостю крепкий кофе.

— Убирайтесь. Немедленно, — док грубо скинул мою руку с лица. — Иначе я вас поцелую... Несмотря на всю краску на ваших щеках, мисс Хендрик.

— Ваши издевки становятся все более странными. И изощренными, — покачала скептически головой.

— То ли еще будет. Ночь длинная.

Граймс усердно покивал, не собираясь отказываться от своих слов. И забирать смешную угрозу обратно.

Смешную, потому что я прекрасно знала: что-что, а целовать он меня не собирается. Язвить, потешаться над сверкающей аурой,

попрекать невинностью в тридцать лет — это да, это пожалуйста. Но так далеко в измывательствах Альвар не пойдет. Док весьма брезглив, а для меня не секрет, с каким презрением он ко мне относится.

— Я не уйду никуда, — округлила на него глаза и добавила шепотом: — В данный момент это решительно невозможно. На этот раз вы меня не выставите.

А даже если и поцелует — невелика потеря. Кратковременное прикосновение его жестких, язвительных губ я как-нибудь переживу. А вот встречу с Вейроном лицом к лицу — едва ли.

— Я предупреждал, — зло прошипел целитель и цепко ухватил меня за затылок, потревожив взволнованных квахаров.

Губы оказались не такими и жесткими. Они только выглядели так, когда он желчно усмехался. А в остальном...

Он действительно меня поцеловал. Сдержал угрозу. Приник к моему рту вполне аккуратно, хоть все его тело звенело раздражением. Скользнул за зубами языком — хлестко, напористо... Щеки разгорелись, и внутри стало тепло. Странно, но очень, очень тепло.

— Приятно, — признала заторможенно, накрывая холодными пальцами губы.

Те непривычно припухли и увлажнились, кожу слегка покалывало крошечными разрядами.

— Вы спятили, мисс Хендрик? — шепотом возмутился Граймс. И крепко стиснул мою талию, забираясь длинными пальцами под пояс строгой юбки. — Уходите сейчас же!

Шарканье все еще слышалось в коридоре, идущие переговаривались. Но голову заполнял гул, и я не понимала сути их беседы.

— Как я уйду, если вы меня держите, Альвар?

Я ошалело уставилась на завиток, упавший на лоб Граймса, в свете больничных ламп отливающий медью. От влажности его волосы начинали виться, я всегда это подмечала. Зачем-то.

Может, их тоже прокляли? Или от природы такие.

— Я отпущу сейчас. Ненадолго, — Граймс судорожно сглотнул, и на его лбу проявилась вторая глубокая морщина. — А вы сразу убегайте. Договорились?

— Но я уже сказала вам, что не могу уйти, — я рассеянно пожала плечами. — Там... Там...

«Моя ожившая галлюцинация. Мой самый страшный кошмар. Мое прошлое, от которого невыносимо больно».

— Да вы в своем уме, мисс Хендрик?! — рявкнул Граймс возмущенно. — Взрослая женщина, а ведете себя, как невинное дитя! Ах да, вы же и есть...

— Прекратите издеваться, — устало качнула гудящей головой.

— Вы сами даете повод, — он облизнул губы, высвободил одну руку и поддел пальцем мой подбородок. — Впрочем... если хотите, чтобы я прекратил ваши страдания...

— Хочу!

Граймс снова впился в меня губами, и на этот раз поцелуй вышел долгим, остервенелым, полным гнетущей безысходности.

Я вовсе не этого хотела, требуя, чтобы он прекратил говорить гадости! Но если это единственный способ закрыть его желчный рот...

Оцепенение стремительно покидало мое тело, напряженные мышцы расслаблялись. Лопатки снова могли шевелиться, и не было больше чувства, что я каждым нервом затянута в тугий корсет прошлого.

— Вар-р-рхова м-мисс Хендр-рик, — недовольно прорычал Альвар в мой рот, хозяйствуя в нем гибким языком. И еще глубже забрался пальцами под пояс юбки.

Я нервно повела бедром, ускользая от внезапной «диагностики» своего белья. Совсем для осмотров и ощупываний не предназначенного.

— Стоять... Стоять, Эльза. Я целитель. Я буду трогать, где хочу.

Я подняла на его ошеломленный взгляд. То есть как это, где хочет? И почему он вообще этого хочет?

Граймс сердито покивал и оттеснил меня к кушетке. Той, на которую обычно усаживали или укладывали пострадавших. Правда, от общения с главным целителем они могли пострадать еще сильнее, но отсюда пути назад уже не было.

— Хотите убежать — бегите. Где дверь, вы знаете лучше многих, — ковырнул меня строгими серыми глазами. — А нет — так сидите смирно, пока я не завершу... кхм... осмотр.

На этой фразе он резко усадил меня на голубую койку, скользнул твердыми пальцами по пояснице и обеими руками забрался под

эластичный пояс. Притянулся ко мне, прижался спереди, разыскивая своими губами мои.

Творилось что-то необъяснимое. Странное. Граймс зачем-то меня целовал — алчно, ненасытно. Словно я была его жаркой ночной фантазией, а не занудной теоретичкой, над которой так весело подшутить.

А я зачем-то позволяла ему себя «осматривать», ощущая, как от прикосновений разливается по телу уютное тепло. Как приходит расслабление. И такой долгожданный покой, который я в каждом углу каждого коридора искала, да найти не смогла.

— Ох, Вархова бездна, как я мог так попасться! — он глухо простонал, нащупывая бутылку эшерской на подоконнике. Оторвался от меня, сделал шумный глоток, потер с силой лицо.

Уронил мутный взгляд на мои ноги, свесившиеся с кушетки. Аккуратно поддел пальцем подол, стащил левую туфлю, затем правую. И пренебрежительно выбросил обе в мусорное ведро.

Шарканье за дверью давно стихло, я могла встать и уйти. Но замешкалась, зачем-то глаза на подбородок с ямочкой.

— Вы слишком яркая, мисс Хендрик. Не представляете, как это невыносимо. Слепит! — он проморгался, ворча на все лады. Сделал несколько шагов назад, сдернул с вешалки пальто. — Накиньте это.

— Зачем? — опешила, сжимая трясущимися пальцами его верхнюю одежду.

— Здесь я вас лечить не буду. Я еще не настолько...

Раздраженный моей нерасторопностью, он сам накинул пальто на мои плечи. Запахнул надежно и стащил меня с кушетки. Сцепил наши пальцы и потянул к выходу.

Как околдованная, я переставляла босые ноги в тонких чулках, размышляя, что значит «не здесь». И как именно он планирует меня лечить.

Глава 4

Темный коридор вывел нас к лестнице, и спустя несколько десятков ступеней мы оказались на улице.

Позади упирался иглой в черный Звездосвод шпиль ректорской башни. Впереди простиралась обширная территория академии — магический полигон, заболоченный лес сразу за ним, широкие ворота, лабиринт подъездных дорожек, освещенных рыжими фонарями...

Граймс, так и не выпустивший мои пальцы, потянул налево, огибая магистерский корпус по узкой тропе. Пятки неприятно заскользили по влажным камням, но я почти не замечала неудобств.

Творилась какая-то варховщина, которая вызывала во мне странный интерес. И не сказать, что сугубо теоретический — в животе подозрительно полыхало, крутило и вообще подпрыгивало.

— Где ваша вархова обувь, мисс Хендрик? — Альвар обернулся. Окинул меня раздраженным взглядом от плеч, укутанных в его плащ, до пальцев в чулках, из-под него торчащих.

— Вы сами ее сняли, — напомнила целителю. — В кабинете. И выбросили!

С удрученным вздохом он подхватил меня на руки и потащил дальше.

Вархова бездна...

Не слышала я ранее о столь спорных методах диагностики. Но интерес, внезапно проникший в мой организм, никак не хотел выветриваться.

Странный интерес! Ненужный вовсе в моей серой жизни, наполненной лекциями, квахарами, старомодными туфлями и редкими встречами с чужой оголодавшей каффой.

— Зачем вы меня?..

— Исключительно в целях вашего скорейшего выздоровления, — пробубнил Граймс, прижимая меня к себе. — И моего.

Любопытство (из разряда тех, что убивает кафф) точило сердце. Распахнутыми глазами я рассматривала ряд низких домиков, выглядевших коренастыми грибами на фоне масштабного академического комплекса с башнями и воздушными переходами.

Для меня не было секретом, где живет Альвар Граймс. Вот ровно тут и живет. Между домом ректора Джонаса и пустующим двухэтажным строением, ожидающим еще какую-нибудь семейную пару преподавателей.

Все прочие магистры ночевали в самой академии, в спальном крыле. Но Граймс это Граймс, ему чем дальше от студентов — тем крепче спится. И со стороны студентов это взаимно.

— Это ваш дом, — выдала очевидное, когда он перенес меня через порог.

Не то чтобы я совсем перестала соображать. Но в последние минуты мне это действительно туго давалось.

Может, виной тому были обжигающие поцелуи Альвара, может, пресловутая «романтика Ахавы»... А может, я решительно спятила — тогда и галлюцинации вполне объяснимы.

— Хотите уйти?

— Нет. Не хочу, — пробормотала сосредоточенно.

Возвращаться на холод, во всех смыслах, было смерти подобно. Там, позади, не было для меня покоя, я знала это наверняка. Уже все углы проверила.

— Тогда я отнесу вас наверх, — не менее сосредоточенно заявил док, выявляя на лбу фирменную морщину. — Предупреждая ваши дальнейшие расспросы, драгоценная: там моя спальня. В ней есть кровать.

Раньше мне казалось, что самый язвительный и равнодушный к чужим бедам мужчина в академии живет аскетично. Что дом его безлик и наполнен звенящей пустотой. Хотя, видит Варх, я мало задумывалась об этом.

А сейчас растерянно хлопала глазами, скользя взглядом по портрету на каминной полке. И по бордовому клетчатому пледу, накинутому на подушки. И по какой-то нелепой статуэтке, возможно, даже дорогой циничному сердцу. И по пышно цветущему растению на подоконнике... И наконец упираясь в кровать, раскинувшуюся посреди спальни.

— Я нечасто пользуюсь ей по назначению, — прокряхтел Граймс, сгружая меня на плед. — Чаще остаюсь на ночь в деревне или дремлю в кабинете во время дежурств. Или засыпаю внизу на диване. Ленюсь подниматься наверх, моя сияющая.

— Ясно, — прошептала сдавленно, таращась на целителя, избавляющегося от форменного халата.

Я в свою одинокую спальню тоже не стремилась. Особенно сегодня — к гнетущей тишине, наполненной дрянными воспоминаниями.

Нахмутив брови, Граймс уставился на мои ступни. Подол строгой юбки задрался, обнажив ноги чуть не до колен, и я не успела его поправить.

— Так и знал, мисс Хендрик, — ворчливо сетовал Альвар, обходя кровать и почесывая красное горло. — Так и знал...

Он вытряхнул несколько пуговиц из петель и свободно расправил на себе рубашку. Поджал губы, будто бы размышляя, с какой стороны подступиться к собственной постели. И, резко выдохнув, схватил меня за щиколотку и потянул на себя.

— Так, Варх дери, и знал!..

Чулок послушно соскользнул с ноги, повинуясь умелым пальцам. Граймс ведь один из лучших целителей Эррена, излечивает сложные хвори несколькими плетениями... Надо ли удивляться, что с чужой одеждой он тоже легко справляется?

— Вам огласить весь пошаговый план лечения, Эльза, или доверитесь целителю? — строго похлопал ресницами, нависая надо мной и острым серым взглядом отпарывая пуговицы на блузке.

— Доверюсь, — выдохнула, приподнимаясь на локтях.

Происходило немыслимое! Но я перестала себе удивляться: лечение так лечение. Я сама пришла с жалобами к целителю. И от его странных поцелуев мне действительно становилось легче.

— Вот и умница, милочка, — выдернул плотную ткань из-под пояса юбки и уставился на голый живот вмиг помутневшим взглядом. — Вот и умница...

Кожу обожгло требовательным прикосновением, жар расплзся и снаружи живота, и внутри. Огонь заплескался под ребрами, опаяя сердце.

Ни для кого не секрет, что диагностика Граймса может оказаться смертельной. Но никогда не думала, что умирать придется от смущения...

Я вся — от плеч до пяток — раскраснелась от поцелуев. Ощутила себя покрытой алыми ожогами в каждой точке, которой касался

целитель.

— Пока не так и страшно, да, моя ослепительная? — зачем-то уточнил он, настойчиво скатывая ткань с плеч и укладывая меня голой спиной на клетчатый плед.

Я захлебнулась в стыдливом стоне, не успев сообщить мужчине, что с ним всегда страшно. Вообще всегда. Иначе бы его вархов диагностический кабинет не обходили тремя коридорами.

Но вместе с тем и спокойно. Вместе с тем и спокойно... Даже когда этот невыносимый язва исторгает из своего рта обидные оскорбления.

И когда касается там, где никто не касался — спокойно. И когда в поцелуях — терпких, горячих, требовательных — топит до потери дыхания... Тоже спокойно. И когда вжимает своим весом в подушки... Спокойно.

— Ничего себе «детеныш каффы укусил»! — вскрикнула в высшей степени беспокояно, стискивая в кулаках вархов плед.

Мать гхаррова! Им-мира... С-сиятельная...

— Что у вас в голове, женщина? — изумленно выдохнул док, размазывая испарину лбом по моей щеке. — Какие, к гхаррам, детеныши?

— Никаких... никаких детенышей... — задохнулась от неожиданной боли, к которой, Имира свидетельница, я совсем не готовилась.

Наверное, лет в двадцать я о ней знала. Помнила на том алтаре, что меня ждет. А потом решительно забыла обо всем, что связано с блудливыми гхаррами.

— От этого вашего лечения... Только хуже сделалось, — выдавила из себя, дергаясь от его прикосновения к животу. Сейчас все воспринималась особенно остро.

— Иногда лечение приносит боль, — проворчал Граймс, разгоняя тепло пальцами по коже. — Но потом непременно наступает облегчение. И выздоровление.

— Что вы делаете? — осоловело уставилась на взмокшего мага.

С его напряженного лба капали тяжелые капли, и там имелись уже три глубокие морщины.

— Лечу, представьте себе, мисс Хендрик! — прошипел раздраженно. — Я же, Варх дери, целитель. И говорят, что неплохой...

— Я разное слышала, — поспорила с Альваром, купаясь в жгучем сером взгляде.

Внутри все снова грелось и закручивалось в томительные узелки. Пытка вархова.

— Выздоровливайте, Эльза, — он упрямо впился в мои губы и мученически простонал прямо в рот: — Поскорее!..

Глава 5

Проснулась я резко. Стремительно. Секунду назад плавала в сладкой утренней неге — а сейчас подскочила от громкого стука в дверь.

Обнаружила себя в пустой постели. В чужой! Замотанную в бордовый клетчатый плед, лохматую, с вечера не чесанную, с ломотой по всему телу и следами поцелуев... повсеместно.

— Имира Сиятельная, — прошептала в подушечки пальцев, прижатые к распухшим губам.

Сглотнула судорожно: картинка вчерашней безумной ночи никуда из моей памяти не делась. А лучше бы испарились, ей Варху, оставив меня в сладком неведении.

Да я же... Я же вчера целую лекцию провела своим девочкам с теормага! Чтобы не вздумали поддаваться романтике Ахавы, не будучи до конца уверенными во взаимности чувств.

Вбивала им в хорошенькие кудрявые головы, что нет никакого правила, по которому они обязаны одаривать своих кавалеров именно этой ночью. И вообще праздник весенних даров был изначально посвящен памяти богини Имиры. А про балы и тайные свидания — это уже потом придумали...

Ладно, да, во взаимности наших с Альваром Граймсом чувств я была уверена. Мы оба на дух друг друга не переносили, старательно купая в издевках при каждом удобном случае. В издевках. Не в поцелуях!

Я сжала пальцами гудящие виски и огляделась: док предусмотрительно сбежал. Как у него только силы остались — перемещаться после столь изматывающей диагностики? Он меня лишь к рассвету отпустил на подушку, излечив многократно со всех сторон.

В чем-то его спорная методика, пожалуй, даже сработала. За всю ночь ко мне ни разу не явились галлюцинации, пропажа расчески не беспокоила до самого утра. А о бессоннице я даже не вспомнила — отключилась сразу, едва меня выпустили из тесных объятий и надежно замотали в клетчатый плед.

Мне даже показалось, что я спала на его плече. И что рука Граймса лежала вот тут, на локте, чуть-чуть прижимая телом к целителю... Но, наверное, показалось.

Внизу слышались голоса, и я нервно соскочила с кровати. Отыскала блузку, юбку и чулки, вспомнила, где потеряла туфли... Впрочем, потеряла я вчера не только их.

Ох, теперь поводов для колких, язвительных шуток у Граймса прибавится...

Как могла такая неглупая и осторожная женщина, как я, оказаться в столь уязвимом положении? В столь... прости, Имира... голом положении! И где? В гостях у главного циника Анжарской академии!

Да что на меня вчера нашло? Я же раньше как-то справлялась без сомнительного «лечения».

Замотавшись в рубашку, я осторожно выглянула из спальни. Перегнулась через перила, свешиваясь с лестницы. И чуть не свалилась вниз, поймав на голых коленках изумленный взгляд магистра Райса.

Гхарр меня затопчи!

Закусив ладонь, чтобы не взвыть от обиды и растерянности, я попятилась и спиной забралась обратно в спальню. Оставила дверь приоткрытой, прислушалась.

Райс, конечно, не сплетник. Более немногословного и замкнутого мага в Анжаре еще поискать. Но кто бы еще мне самой объяснил, как «теоретичка Хендрик» позволила случиться тому, что случилось?

— Одна квахарка... вывалилась ночью на болотах... — глухо объяснял внизу магистр, требуя от Граймса немедленной помощи.

И мне отчаянно захотелось, чтобы тот ушел помогать. Прямо сейчас. Потому что столкнуться с циничным целителем на просторах его дома будет невыносимо. У меня за эту ночь совсем не осталось брони, чтобы защищаться от его колкостей.

Я вжалась в дверь, стора от воспоминаний о гибких длинных пальцах. И губах. И... Нет, все-таки больше о пальцах. Эти варховы руки!..

— Смеею вас заверить, сир Райс, на болотах водятся только крикетки, — язвительно пробубнил док, оборачиваясь и рыская взглядом по второму этажу. — А квахаркам... мой драгоценный...

место на насестах анжарских ферм... Так кто там у вас на самом деле вывалился?

— Девица полуголая. Иномирянка, — раздраженно выдал Райс, почесывая кожу на запястье. — Полагаю, портал не был спонтанным...

— Полагаете? Слушаю внимательно, — проскрипел Граймс максимально недружелюбно. Знала я этот тон, с которым он обычно спешил выставить меня за дверь. — Вы ведь, как всегда, «кстати»! С утра пораньше и на моей личной территории, называемой домом...

— Уже давно не утро, Граймс, — фыркнул магистр, переминаясь на пороге. — И с гостеприимством у нас с вами одинаковые проблемы.

— Вы уже догадались о причинах моей бестактности. Так что вас беспокоит?

— Мои бездари провели вархов ритуал. Виззарийский, древний. По, гхарр их задери, наитию! — возмущался Райс, утаптывая газон перед домом. — Любовная магия, призыв чувств. Ничего умнее им в голову в ночь даров не пришло, естественно...

— Естественно, — согласился целитель. — И?

Я прислушалась. Ритуалы в ночь весенних даров — мое больное место. Когда уже этот праздник официально запретят?

— В пентаграмме лежало преподавательское барахло, — бубнил Райс, засучивая рукав. — Самое разное. Часы, заколки, гребни... Мои смертники задумали шутку. Но сегодня утром мне стало решительно не до смеха. Смотрите сами, док...

Они вышли за порог, и дверь за Граймсом захлопнулась, оставив меня в звенящей тишине. Заколки? Гребни? Древний виззарийский ритуал, призывающий любовь?

Наплевав на «квахаров», бесстыдно рассыпавшихся по моей бедовой голове, я втиснула себя в юбку и упрямо затолкала блузку за пояс. Чулки скомкала и сунула в карман: не было никаких сил натягивать их дрожащими пальцами.

Ритуал! Призывающий чувства! С преподавательским, Варх их всех прибереи, барахлом! А где часы, гребень и заколка... там, может, и расческа с кварцевой инкрустацией?

Дом Граймса я покидала в смятении. Не знаю, что вчера нашло на главного целителя академии, но сама я, похоже, попала под действие древнего ритуала. Иначе и не объяснить, почему позволила Альвару... *такое.*

Я видела вдалеке две фигуры, склонившиеся над светловолосой девушкой на траве. Не рискнув подходить, обогнула академию с другой стороны и босиком пробралась в спальный корпус. Добежала до своей пустующей комнаты и, только закрыв дверь, почувствовала себя в относительной безопасности.

Здесь, на своей территории, я могла переодеться и привести себя в порядок. Смыть следы вчерашних непристойностей. Поцелуев, прикосновений...

Сбросила с себя одежду и взволнованно подошла к зеркалу, всегда предельно честному со мной, за что и любимому. Оно не подвело. Следов было очень, очень много. Такой кошмар никакой магической косметикой не замаскировать. А мне к первой... к первой лекции?!

Нет, судя по яркому Звезднозвуду, уже к третьей. Но хотя бы к ней надо успеть.

Прикусив губу, я аккуратно соткала между пальцев плетение быстрого омовения. Немного бытовой магии не нарушит мой теоретический обет. Наверное.

Окунулась во взвесь холодных брызг, закрутившуюся в воздухе спальни. Позволила каплям стереть с себя вкус Граймса. И запах Граймса. И последствия его варховой «диагностики».

Вытерлась старательно полотенцем, парой движений иссушила лужицу на полу. Провела пальцами по покрытой пятнами шее, по щекам, по губам непривычно красным, убирая следы.

Перебор с практикой, Эльза... Перебор.

Собрала взлохмаченные волосы в тугой пучок. Они ожидаемо из него повыпрыгивали, непослушно осыпавшись на лоб. Да чтоб Меридит на бешенном гхарре весь Эррен пересечь!

Вытащила из шкафа самое строгое, темно-синее платье до пят. Поджала губы осуждающе, рассматривая свое отражение. Казалось, на том самом лбу написано, как низко пала мисс Эльза. И в чьей циничной компании, решившей над ней, видимо, посмеяться.

На подходе к кабинету «Теории магии», в котором уже собралась шумная толпа моих преданных учениц, я столкнулась с магистром Райсом. Гордо задрала подбородок, пытаюсь на дрожащих ходулях миновать хмурого мага. То ли в новых круглоносых туфлях было непривычно, то ли меня попросту всю трясло. Но мне ведь давно не двадцать.

— Сир Райс... — набравшись храбрости, я обернулась к магистру. Вдохнула поглубже, понимая, что играть в амнезию слишком глупо. Я видела, что он видел мои колени. — В доме сира Граймса вы говорили о ритуале. И вещах преподавателей.

— Говорил, мисс Хендрик, — губы Райса тронул намек на ухмылку, но он быстро его проглотил. — Вас интересуют конкретные?

— Расческа. С розовым кварцем, — выдохнула, замирая сердцем в ожидании ответа.

— Розовый кварц был точно. Ручка, заколка с самарудами, медальон. Что до расчесок...

— Кейр!

Ритуал объяснял все. Мое ночное сумасшествие. И то, что я отказалась уходить. Что не сбежала после первого поцелуя.

Варх разберет, к чему Альвар все это затеял, какой шутки ради... Но сейчас я даже не помнила, кто кого первым поцеловал в той постели. Возможно, что я.

— Какая-то была, Эльза. Я не присматривался, — кивнул он, вырывая из меня обиженный стон.

Разумеется, была. И именно моя. Недаром она пропала вчера утром, как и заколка мисс Лонгвуд! С самарудами!

— Не стоит так паниковать, мисс Хендрик, — он некрепко сжал мое плечо, но лучше не сделалось. — У меня пока нет уверенности, что ритуал сработал так, как было задумано.

— Мне бы эту... вашу... «неуверенность», — пробубнила, пряча руки в карманах, и прошла в свой кабинет.

Без привычных очков, без удобных туфель, даже без варховой любимой расчески... Чувствовала я себя абсолютно голой перед набитой студентами аудиторией.

Ученики клевали носами, без особого энтузиазма конспектируя лекцию, посвященную магической безопасности. Все, что их сейчас волновало, — это воспоминания о вчерашней ночи и грядущий бал весенних даров. Это читалось на покрасневших лицах.

Взгляд выцепил кудрявую Танну ди Маюрте, смущенно перешептывающуюся с рыженькой курносой подружкой. Поймав равновесие на непривычных туфлях, я неспешно подошла к их ряду.

— Как ваше самочувствие, мисс ди Маюрте? — излишне резко уточнила у одаренной первокурсницы. — Вчера днем вам обеим стало дурно во время практического занятия. Но ни вы, ни мисс Эльтор не явились на магическую диагностику в указанный час.

— Явились, мисс Хендрик, — честно похлопала глазами подруга Танны.

Зрачки обеих девушек подернулись туманом, я и вчера это заметила. Это могло свидетельствовать о проблемах с магрезервом или искрой. Всякого можно ожидать от спонтанной практики на полигоне, устроенной Райсом для проверки одаренности *моих* учениц. Пока, во всяком случае, моих.

— Я заходила к сирю Граймсу вечером за результатами, — укоряюще покачала головой. — Дурнота на полигоне — не шутки. Вам еще рано практиковать, несмотря на явную одаренность.

— Простите, — тихо выдохнула Танна, устало стирая пот со лба. Ей, похоже, было жарко. — Мы испугались вчера вечером идти к сирю Граймсу, о нем столько жуткого рассказывают.

— Глупости! — показательно всплеснула руками, испытывая острое желание остаток жизни огибать диагностический кабинет теми самыми тремя коридорами. — В сире Граймсе нет совершенно ничего страшного.

Кто-то из нас троих должен быть взрослым. И дойти до варховой диагностики. Круглые носы, торчащие из-под длинного платья, намекали, что это буду я.

— Нам сказали, что мы его диагностику не переживем, — пискнула рыженькая. — И он может под магическим сном нам мозги ампутировать...

— Идем. Живее. Я поприсутствую и проконтролирую, чтобы ничего лишнего вам не ампутировали, — я резво развернулась на каблуках. — Остальные открывают учебник на странице сто четырнадцать. На следующем занятии устрою по пройденной теме тест.

В целительский корпус мы шли в гнетущем молчании. Ученицы — как на заклятие. Я... да примерно так же. Но я уже большая девочка. Преподаватель, несущий ответственность за своих студентов. И вполне способна это пережить...

Дверь я толкнула без стука, отчаянно надеясь застать внутри рыжую ассистентку Граймса, а не самого главного целителя. Ей я могла доверить девочек и сбежать до диагностической процедуры.

Но то, что мои глаза обнаружили внутри, никакому объяснению не поддавалось.

Моя галлюцинация — при плоти, крови и светлом хвостике, переброшенном через плечо, — стояла перед столом главного целителя! В компании ректора Джонаса. Эти двое о чем-то допытывались у Граймса, излучавшего сонным видом такое «радушие», что дурно делалось.

Настоящий Вейрон дернул могучим плечом, стряхивая с него мой взгляд. Обернулся резко, ловя в хищный захват льдисто-голубых глаз. И я чуть на ближайшую кушетку не завалилась, задохнувшись от нахлынувших эмоций.

— Сирра Хендрик?

Он удивился не меньше меня. Таращился, как на привидение.

— Я уже не сирра. Мисс, — поправила свою помятую галлюцинацию, на лице которой не так давно отметился чей-то крепкий, вполне реальный кулак.

— Я сегодня с утра необычайно популярен, — пробубнил Граймс, окидывая присутствующих напряженным взглядом. — Итак, сир ректор, объясните еще раз, что вам от меня надобно. Очередь, сами видите...

— У вас что-то разбилось, Альвар? — Джонас кивнул на стол, усыпанный осколками, и главный целитель торопливо смахнул их в урну.

— Ерунда. Ассистентка кое-что напутала, — прокряхтел нервно, кидая на меня странные взгляды.

Я уперлась глазами в стену. Она была забрызгана какой-то грязью, и можно было пару минут любоваться заковыристыми кляксами.

— Вашу ассистентку я как раз и ищу, — неприязненно объяснил Вейрон, потирая сине-багровое пятно на щеке. — Она пропала после того, как мы повздорили с вашим дурно пахнущим магистром. Он неверно истолковал мои намерения. И был крайне недружелюбен.

Граймс задумчиво оценил ущерб, нанесенный Райсом, чему-то покивал и постучал пальцами по ящичку стола. Выудил оттуда крошечную баночку с голубым наполнением.

— Мисс Лонгвуд весьма талантливо составляет заживляющие мази. Вот одна из ее новинок, держите. Прекрасно помогает от синяков, — кинул на стол, не сводя взгляда с помятого Вейрона. — Сами справитесь или мне намазать?

— Я не за лечением сюда пришел.

— Тогда вы не по адресу. Я не консультирую ищеек и не штопаю разбитые сердца. Я целитель, — равнодушно пожал плечами док, накидывая на плечи халат. — Только одеться не успел. Вот, видите эмблему?

— Я. Ищу. Алиссу, — Кристиан опасно прищурился, обращая глаза в две узкие щелки.

— Все мы ее ищем, — флегматично поджал губы Граймс, приглаживая темные вихры. — Мисс Лонгвуд покинула академию этой самой ночью. Попросила ее вещи доставить на адрес в Тарлине. Похоже, она не стремится к встрече с вами, сир Вейрон?

Целитель продемонстрировал присутствующим записку и, скомкав, раздраженно отправил в урну под столом.

— Это уж не ваше дело, кто куда стремится, — с угрозой прошипел Кристиан, поправляя пуговицу на серебристом воротнике, заляпанном кровью. — Извольте объяснить, куда делась ваша сотрудница. Если надо, организуйте поиски!

— Сир Вейрон, вам надо бы успокоиться... И мазь применить по назначению, — похлопал его по плечу Джонас. — И поспать: перебор с анжарским кофе вышел, да? Сейчас мы организуем вам место в академии.

— Поиски!

— Обязательно, обязательно, — покивал с благодушной улыбкой Джонас. — Вы отдохнете, а я сам схожу к нашим вояжерам. Может, кто-то из водителей подвозил ее вчера ночью...

— Моя супруга принадлежит к роду тэль Меер, — продолжал плевать словами Крис. Помятый и злой, он сейчас казался не таким и привлекательным. — Родная кровь Ее Величеству, так что будьте добры проявить...

— А она в курсе, что вы разыскиваете юную мисс Лонгвуд в Анжарской провинции? — я сложила руки на груди и недоуменно уставилась на Кристиана. — Супруга ваша, что из рода тэль Меер?

Вейрон натянул на лицо нечитаемую маску и, поманив Джонаса, молча вышел за дверь. Мои ученицы проводили его мечтательными взглядами. И я сделала вывод, что это только меня он больше не привлекает.

— Опросим водителей вояжеров сейчас же, — послышалось повелительное из коридора. Кристиан привык, что все крутится вокруг его богоподобной персоны.

Любопытно, что они не поделили с Райсом? И куда на самом деле пропала ассистентка целителя? Одно ясно: он в Анжар не за мной приехал.

Но легче в груди от этого умозаключения не стало. До чего нелепое, болезненное совпадение, что в ночь весенних даров мы с Кристианом снова оказались под одной крышей!

— Танна ди Маюрте и Оллия Эльтор прибыли на диагностику, — отчеканила сухо, потирая горящую грудь. Слишком много испытаний для моей нервной системы за сутки. — Я с вашего позволения поприсутствую, сир Граймс. Девушки опасаются принудительной ампутации мозга.

— Это еще посмотреть надо. Есть ли там, что ампутировать? — вздохнул Граймс, натягивая на лицо привычное язвительное выражение. — Присутствуйте, мисс Хендрик, сколько пожелаете. Ваша аура мне теперь не мешает.

Вспыхнула, чувствуя, как по щекам расползлись алые пятна. Я всегда очень некрасиво краснела в его присутствии.

— Присаживайтесь, юные леди, — едко бросил целитель, указывая на кушетку. — Не юные могут постоять за спиной.

Поджав губы, я прошла по кабинету. Вытоптала каблуками дорожку вдоль окон. Бросила неловкий взгляд в урну, надеясь найти в ней свои удобные туфли. Но Граймс их, похоже, перепрятал.

Растерянно сопя, я покосилась на целителя. Через его плечо было видно, как он водит пальцами вокруг курчавой головы Танны. Молча, не отпуская никаких непотребных комментариев. Необычно для Альвара Граймса.

Почувствовал мой взгляд, он обернулся. Посмотрел цепко, оценивающе.

— Только не отвешивайте новых комплиментов моей ауре, — пресекла попытку, едва он открыл рот.

Хватит с меня его колкостей!

— Не собирался, — фыркнул насмешливо. — К тому же там больше нечему отвечать. Рабочая оказалась методика, да, мисс Хендрик?

Передернув плечами, я прошла до его стола и уселась в глубокое скрипучее кресло, ощущая бедрами тепло недавно покинувшего его мужчины.

Я всю ночь его ощущала... Этого вот мужчину. С его варховым теплом.

— Хмм... — нагнулась ко второй урне, что под столом.

Развернула комок бумаги, стряхнув с него розовое стекольное крошево. Наморщила лоб, вчитываясь в беспокойный почерк мисс Лонгвуд.

— Хотите что-то спросить? Сказать? — нервно уточнил Граймс, отвлекаясь от диагностики.

— Только то, что если девушка бежит от Кристиана Вейрона... — я потрясла запиской, написанной явно второпях. — Значит, у нее есть причины. Надеюсь, ваша ассистентка уже очень далеко отсюда.

— Надейтесь, моя драгоценная... Уже уходите? — Граймс проводил меня до двери долгим взглядом. Не моргнул даже. И я, ободряюще кивнув разволновавшейся на кушетке Танне, вышла в коридор.

Глава 6

Альвар Граймс

Остаток диагностики он провел без капли интереса. Выписал девицам восстанавливающее снадобье, выдал по ампуле и выдворил за дверь. В отсутствие ассистентки бумажная волокита ложилась на его плечи, и Граймс с неохотой достал бланки из ее ящика.

Все естество точило раздражением: утро началось не с того. Его внезапная популярность — у сира Райса, у ректора Джонаса, у недобитого гхарра из Хитаны — вызывала зубную боль. Слишком много навалилось сразу после пробуждения, не давая толком осмыслить произошедшее.

Он все-таки не сдержался. Лучше бы и впрямь ремнями себя привязал к той кушетке и не отпирал Эльзе. Лучше бы над ним поутру смеялась вся академия, обнаружив главного целителя в столь нелепом виде.

А теперь все усложнилось настолько, что его фирменная язвительность дала сбой. И нормальных едких шуток, которыми он привык отгораживать мир от себя, на ум не приходило.

Хуже того: Альвара до сих пор не отпустило. Живот жгло желанием, хотя прошлой ночью он дал себе волю. Вдоволь наслаждался податливым телом, так великодушно предоставленным в его распоряжение. Осмотрел мисс Хендрик до последней родинки, подверг тщательной диагностике каждый участок нежной, никем не тронутой кожи.

Ничего себе «Жетемия» попалась... Крепкая, сильная. Пролонгированного, чтоб ее, воздействия!

Хотелось выгнать всех: и девиц пострадавших, и ректора с его хитанцем. И прижать раскрасневшуюся теоретичку к себе.

Она так волновалась вчера, оказавшись в его постели... В ней, надо признать, давно никого не бывало. Он и сам там был редкий гость.

Про студенческие годы Альвар наврал. Не припомнит он случая, чтобы отмечал «весенние дары». Дрянной праздник, глупый, наполненный показным смущением и порочным ожиданием. Нет, в те

времена его больше увлекали магические эксперименты и трактаты целителей-новаторов, а не квахарки, мечтающие о большой и чистой.

Никакой большой и чистой он предложить не мог. Он целитель. И, похоже, уже родился с жилкой цинизма внутри.

Граймс умел резать — тогда, когда нужно резать. Умел делать больно — чтобы потом стало хорошо и хворь отпустила. Умел хладнокровно оценивать шансы на успех и рисковать с экспериментальными методиками.

В какой момент его одолела тошнота от всего вокруг? Они с Райсом были похожи. В том смысле, что повидали всякое и забыли, какво удивляться. Разве что Граймс не избегал общения, считая свой острый язык одним из самых надежных и болезненных видов оружия.

Еще в академические годы Альвар отстранился от чужой боли, оградил себя от излишней сентиментальности, от глупого сочувствия. Он ведь хотел быть хорошим целителем. Лучшим. А сантименты в его профессии ни к чему.

Человек, который боится отрезать важное, так ничего и не отрежет. Рука дрогнет. И он потеряет своего пациента.

В конечном итоге своей циничностью и равнодушием Граймс оказывал огромную услугу жителям Эррена. Своим подопечным. Его рука не дрожала в ответственный момент.

Обычно не дрожала.

Граймс скомкал бланк, на котором вывел непонятный набор слов. Ручка вывалилась из ослабших пальцев, и живот наполнился привычным жаром. Со вчерашней ночи привычным. Да гхаррова же «Жетемиа»!

Эльза Хендрик

Шутка природников удалась на славу. Уже подкрадывался вечер, я успела провести три лекции и наскоро пообедать, а грудь все так же грелась странными, ненужными желаниями. Студенты Райса призывали чувства, а призвали... Варх знает что!

Выкинуть Альвара из головы не получалось, и я смирилась. Позволила ему по-хозяйски обосноваться в углу сознания и со стороны наблюдать за моими действиями. Рано или поздно он оттуда сам уйдет, так ведь? Раз это шутка, она не может длиться вечно.

Окинув отражение неодобрительным взглядом, я сбросила непривычные круглоносые туфли и уселась на кровать. Упала на подушку спиной... и тут же охнула, когда живот скрутило спазмом. Целителем Граймс был отличным. Но даже ему не под силу вылечить все, что натворил.

Пальцы ног поджимались от покалывающих, неловких воспоминаний. Наверное, стыдно в моем возрасте смущаться из-за ночи с мужчиной. Но первый опыт — он для всех первый. Даже для тридцатилетних теоретичек.

Это было необычно. Но приятно. И чем дольше оно происходило, тем с большим интересом я включалась в странную игру. В танец, который принято танцевать без одежд.

Без своего халата и рубашки Альвар Граймс оказался весьма привлекательным мужчиной. Я, конечно, и раньше отдавала себе отчет, что его лицо не отталкивает. Язвительные речи — вот те отталкивают, да, на то они и рассчитаны. А вчера я имела возможность на практике ощупать худое долговязое тело, оказавшееся довольно крепким и неожиданно тяжелым.

Я прикрыла глаза, поерзав затылком на подушке, и судорожно вздохнула. «Романтика Ахавы» не отпускала. Я почти не помнила деталей, лишь эту щекотную волну, накрывающую жаром все тело. Снова и снова.

И его волосы, отливающие медью, которые еще сильнее закурчавились, когда на лбу Альвара выступила испарина. И я догадалась, что дело не в проклятии, а во влажности.

В дверь отрывисто постучали. Я подскочила на кровати, словно была голышом в объятиях Граймса и мы творили что-то неприличное. Но я всего лишь думала. Думала о неприличном. И о том, что совсем не портив, чтобы циничный маг снова утащил меня в свою спальню.

Пройдет эффект от ритуала хоть когда-то?

— В-войдите, — прошептала в сторону двери, наскоро приглаживая волосы.

Почему-то ожидала увидеть Граймса. Но вошел Кристиан.

— «Кошмарная Хендрик», ты ждала не меня? — разочарованно протянул Вейрон, когда я уставилась на него в священном ужасе.

— Только подойди, — процедила сквозь зубы, отпрыгнула к окну и взяла с письменного стола нож для бумаг. — Только шаг ко мне

сделай, Вейрон...

— Я не собираюсь тебе вредить, Эль, — голубые льдинки сверкнули искренностью. И злобой. — Сними проклятие, и я уйду.

— Проклятие? — распахнула рот, впуская полчище воображаемых мух. — Ты крепко ударился, я смотрю?

— «Упал», — хмыкнул маститый королевский хирург.

Да, признаться, я издалека следила за его карьерой. Не специально: статьи сами попадались на глаза. И те безвольно их читали.

О быстром взлете одаренного тарлинца писали и «Либтоунский Вестник», и «Хитанская правда». Год назад ведущему хирургу Тарлинской лечебницы прочили большое будущее в столице. Летом упоминалось, что королева и впрямь предложила ему должность. И он перебрался с родовитой супругой в Хитану.

Целительский талант молодого сира был неоспорим, и пресса обходила вниманием его «полезные связи». Будучи мужем девицы тэль Меер, любой рано или поздно оказался бы при дворе.

Крис всегда метил высоко. Тот ритуал в храме не удался, он так и не получил дар проходимца. И пошел другим путем... Тоже, впрочем, касающимся постели.

— Ты прокляла меня той ночью. Десять лет назад, — прохрипел Вейрон, внося мощное тело в мою спальню.

— Проклятие было ненастоящим, — поморщилась от дрянных воспоминаний.

То, что я шептала тогда в любовной агонии, было обещанием себе — не богам. Да и не было там богов, чтобы принять мой обет.

— Правда? А сердце мое последний год разрывается просто так, для красоты?! — рявкнул Крис и хлопнул ладонью по косяку.

— В нем не было магической силы, — решительно помотала «квахарами». — Я не владею проклятиями, сир Вейрон.

— Ты что-то сделала, — погрозил пальцем, стряхивая запястьем светлую прядь с оцарапанного носа. — Что-то сказала! Я помню. Чтобы я никогда не был счастлив в любви. Чтобы страдал от невозможности обладать желаемым. И я страдаю, Эль. Ты получила свое, достаточно!

— Тебе проще поверить в проклятие, чем в судьбу? В жизнь? В кару богов? — скептически поджала губы.

Он заблуждался сам и пытался сбить с толку меня. Я не изучала проклятий, даже до «Защиты» не дошла.

— Я тоже не придал тогда значения, — покивал ожесточенно. — Мало ли что там бормочет эта убогая... Но я так и не узнал любви за девять лет. Вид жены вызывал одно лишь раздражение. А потом я встретил лисичку и... и словно спятил... а она сбежала, оставив меня ни с чем!

— Возможно, не стоило жениться без любви, Крис, — я потеряла бровь, не испытывая ни капли сочувствия к голубоглазому блудливому гхарру. — А может, ты сам не позволяешь себе быть счастливым? Не думал о таком? Даже таких мерзавцев, как ты, временами гложет вина.

— Вина? Брось, Эль. Я ни в чем перед тобой не виноват.

— А перед сбежавшей целительницей? — отбросила нож на стол, осознавая, что вархов хирург обращается с ним куда лучше «кошмарной Хендрик». — Отпусти ее. Отпусти хотя бы эту девушку.

— Не могу. Она мне всю душу вытрясла, — прошипел Кристиан, опасно приближаясь.

Я соткала в правой руке боевой пульсар. То, что я не пользуюсь магией, не значит, что не умею. Ярко-синий сгусток зашипел на ладони, готовый сорваться в лицо выдающегося хирурга.

— Эй-ей! — предостерегающе вскинул руку. — Аккуратнее! Я и без тебя вчера пострадал. Вашего рукастого магистра ждет увольнение, не рискуй своей должностью ради глупой мести.

— Это не месть, Крис, — фыркнула, напоминая себе, что почти справилась с этим. И не стоит окунаться в кошмар снова. — Это самозащита. Выйди вон из моей спальни.

Вейрон спиной толкнул дверь и, пропоров меня многообещающим взглядом, вышел в коридор. Зрачки его полыхали так, что стоило поверить: этот визит не последний. Он крепко уверовал в мое «проклятие».

Пульсар жег руку, но я все не решалась его развеять. Тревожное ощущение не покидало. И как раз когда я растопырила пальцы, чтобы резко сжать, стук повторился.

— Крис, я все сказала! — предупредительно швырнула боевой пульсар в стену рядом с дверью, оставив на нежно-розовой краске черное закопченное пятно. — Только попробуй войти!

— Будь во мне немного больше гордости, я бы немедленно ушел, — на пороге появился озадаченный Граймс. — Но кое-какие побочные эффекты, похоже, отключили и ее... Мне казалось, вы не практикуете, мисс Хендрик?

— Исключительно в целях самозащиты, — пробубнила, отворачиваясь к окну.

Нервно отряхнула руки, сбрасывая с пальцев искры. Тьма! Граймса я тут не ожидала.

То есть ожидала. Зачем-то. Но будто бы в прошлой жизни — «до визита Кристиана Вейрона». А теперь меня трясло не на шутку, и романтический жар в груди притупился.

— Вам угрожала опасность?

— Неважно, Граймс. Что вы забыли в моей спальне в такой час? — обернулась через плечо, оценивая визитера.

Халат, накинутый на плечи. Плащ, переброшенный через локоть. Походный саквояж целителя... Он будто совсем не сюда собирался. Не ко мне.

— Разве не ясно, моя теоретическая? Вас и забыл, — Альвар окинул недовольным взглядом просторы спальни. — Больше у вас тут пожить особо нечем.

Отбросил на пол свой чемоданчик, плащ уложил на постель. И, строго пыхтя, подошел ко мне.

— Вам лучше уйти.

Я отвернулась. Нервно передернула плечами, пытаюсь избавиться от гнетущей тяжести. Как вдруг на них легли теплые руки и приятно смяли.

— Телесное напряжение вредит магическому резерву, — пальцы пробежались вдоль лопаток и вверх по шейным позвонкам. Вдавили их до легкой боли, отпустили до сладкого облегчения. — Надо снимать.

— Что снимать? — бросила глупый взгляд на босые ноги.

— Напряжение ваше, моя драгоценная. Иначе весь резерв пережмете. Вдруг вам все же захочется рано или поздно попрактиковать? — сетовал целитель, размазывая пальцами негу по моим плечам.

Эти варховы руки!..

Напряжение, сковавшее все тело ровно так, как и вчерашней ночью, меня стремительно покидало. Жар в груди пробуждался,

расползаясь уже и по животу, и по пояснице...

— Это решительно лишнее, Альвар, — простонала, ощутив его губы на своей шее. Требовательные, жесткие, желающие оставить на ней порцию новых отметин.

— Я сам составляю план лечения, Эльза. Никогда не спорьте с целителем, — пробубнил Граймс, стискивая меня в объятиях.

Голова закружилась варховой каруселью, и я позволила ему и сжать, и развязать, и поцеловать... Гхаррова бездна! Тот ритуал точно был «пролонгированного воздействия».

И мне очень нужно было выполоскать из себя гадкое послевкусие от встречи с Крисом. Внутри рождалась твердая уверенность, что только теплые руки Граймса, неожиданно умелые и аккуратные, могут мне в этом помочь.

— Я не долечился, — виновато признался целитель, зарываясь носом в мои растрепанные волосы. — Нужен один сеанс... еще один... Только не здесь. Ваш интерьер... подавляет. Пойдете со мной, Эльза?

— Пойду, — вздохнула, признавая в себе отсутствие всякой воли. От его приглушенного шепота я последние капли ее утратила. — Но если вы опять потащите меня через всю территорию академии, то дайте хотя бы обуться.

— Не потащу, — загадочно заверил Граймс и, вновь босую, потянул меня следом за собой в коридор. — Академию мы не покинем. Покажу вам свое тайное место, моя сияющая.

На этот раз ступени уводили нас не вниз, а вверх. В темноту корпуса практической магии, куда-то в сторону лабораторий.

Кажется, мы забрались под самую крышу, когда Граймс наконец остановился. Удовлетворенно хмыкнул. И магическим пассом отворил малозаметную дверь.

— Это моя личная территория. Еще одна, — выдал, тяжело дыша от стремительного подъема. — Располагайтесь, мисс Хендрик.

Закусив губу не самым культурным образом, я медленно выдохнула. Располагаться? Где?

Все пространство перед нами занимала замшелая поляна, то тут, то там освещенная розовыми магическими фонарями. На темно-зеленом мху произрастали самые разные растения — от стаек низеньких фиолетовых колокольчиков-нори до одиноких стеблей тресота лекарственного.

Единственное, чего здесь не было — это варховых лепестков филии. И еще кровати.

— Моя маленькая плантация лекарственных трав. Увлечение, Эльза. У вас есть увлечения? — острый взгляд коснулся моих оголенных плеч, торчащих из приспущенных рукавов. — Я вот в свободное время провожу небольшие эксперименты над усилением и изменением свойств растений.

Он прислонил свой саквояж к стене и аккуратно прикрыл дверь за мной. А затем... тоже разулся. И босой прошел вперед, осторожно ступая на упругий мох.

— Ректор давно выделил мне эту лабораторию, — Граймс поманил меня пальцем, и я замороженно двинулась к нему. — Первое время она выглядела вполне классически: контейнеры, лампы, пробирки... Но, как видите, изрядно заросла по моему недосмотру. Свободного времени у главного целителя меньше, чем думается.

— Здесь красиво, — признала шепотом, чувствуя, как влажный мох ласкает голые пятки. — И тепло. И весьма необычно для... для встреч с...

— А вы много где «встречались», чтобы судить об обычности и необычности, мисс Хендрик? — он резко развернул меня спиной и пристыл пальцами к застежкам платья.

— Вы правы, Альвар. У меня слишком мало проверенных фактов, чтобы делать выводы, — пробормотала, обнаружив его вторую руку под своими волосами.

Голове стало очень приятно от чувственных прикосновений. Настолько, что все мысли из нее бессовестно сбежали.

— Что ж, теперь, когда вы признали мою правоту... — он за затылок развернул меня к себе, нашел губами рот и жадно впился, прогоняя из тела остатки оцепенения. — Не судите строго, Эльза: я слишком давно... не практиковался...

— Почему вы одиноки, Альвар? — простонала негромко в варховы губы, сгорая под гибкими пальцами.

— Довольно трудно верить в людей, когда видишь их насквозь, — промычал, стряхивая на мох мое платье и чуть подталкивая меня вперед. — Поверьте, Эльза, не все они сияют. Поверьте и... помолчите. И позвольте мне заняться вашим лечением.

Влажная зеленая поляна с охотой приняла меня в объятия. Чуть прогнувшись подо мной, но тут же упруго качнув обратно. Мягкой подушкой легла под щеку, убаюкала прохладой весеннего луга.

По позвонкам побежали гибкие пальцы, массируя временами так больно, что хотелось возмущенно вскрикнуть. Но тут же приходило расслабление. А за ним и жаркий поцелуй в ту самую точку, которую «лечили».

Я осоловело выплывала из окутавшей сознание дымки. Тело подрагивало каждой клеточкой, и не хотелось выбираться из волшебного сна.

Услышала, как щелкают пуговицы и застёжки, как взвизгивает молния походного саквояжа. И все-таки открыла глаза.

— Мне нужно уйти, мисс Хендрик, — выдал Граймс сосредоточенно, сталкиваясь с моим недоуменным взглядом. — Я должен проверить одну из своих пациенток. Вернусь поздно. Идите спать, пока не включился артефакт, заряженный на полив.

Он застегнул последнюю пуговицу рубашки и набросил на плечи халат. Глянул в окошко под потолком, оценил час по Звездносводу. Выругался, поминая облезлых гхарров, и торопливо прошагал в коридор.

И много у него таких «пациенток», нуждающихся в сомнительных процедурах?

Глава 7

Альвар Граймс

От грязных ботинок оставались неприглядные отметины, по которым любой маг-ищейка мог бы проследить путь главного целителя. Без всяких сложных плетений он понял бы, что Альвар Граймс вернулся сильно за полночь. После того, как внезапный весенний дождь смочил землю на подъездных дорожках к академии.

Вместо того, чтобы направиться к своему пустому дому, обещающему покой и тишину, Граймс прошлепал в целительский корпус. По привычке прошлепал. Истощенный маг-резерв просил пощады или хотя бы восстановления. Но целитель вовремя напомнил себе, чем это закончилось в прошлый раз.

Лезть в шкафчик с тониками Граймс не рискнул. Хватит, наелся «Жетемией» досыта. До сих пор все тело ломило от желания вернуться в вархову оранжерею. И устроить новый сеанс расслабляющих процедур...

Темнота диагностического кабинета, наполненная знакомыми запахами трав и снадобий, сулила покой. Но в привычный букет лекарственных ароматов вторгался еще один. Приятный, но неожиданный.

— Вы были в деревне? В такой час?

Резкий голос вырвал Альвара из порочных фантазий... и на секунду целитель решил, что те вполне могут стать реальностью. Эльза сама пришла. К нему.

— Только не говорите Райсу, что я иногда тоже пачкаю свою обувь, — позволил усталой улыбке тронуть губы и включил лампу над письменным столом. — Тогда у него закончатся шутки, и жизнь наша станет пресной.

Может, и к гхаррам это правило про «встречи» на рабочем месте? Не так и плохи местные койки. Достаточно широкие и почти не скрипят...

Но вид Эльзы, нервно сжимающей что-то в руках, загнал мечты глубоко в подсознание.

— Что было в этом бутылке? — женщина раскрыла ладонь, обнаружив на ней розовые осколки. — Я утром не обратила внимания, когда читала записку мисс Лонгвуд. Но сегодня ночью у меня нашлось много свободного времени на размышления... Что тут было за снадобье? Я едва могу разобрать почерк.

— «Жетемия», — пожал плечом, ощущая телом странный эффект. Он будто бы падал в пропасть, а она все не кончалась и не кончалась.

— Почему пробирка разбита? — Эльза утопила его в серебре блестящих глаз.

Возможно, она недавно плакала. Но сейчас этот факт ничто не подтверждало, кроме лихорадочного блеска, и Граймс не был уверен в выводе. Все-таки он не теоретик.

— Потому что ее использовали. Вам знакомо это зелье? — размеренно прошелся по кабинету, пробуя новые ощущения.

От колючего взгляда Эльзы было... неприятно. Крайне, крайне неприятно.

— Имела несчастье испытывать его действие, — сухо пояснила она. — И на ком вы его использовали?

— На себе, — вздохнул, ощущая, как на едва расслабившиеся плечи возвращается тяжесть. — Я сам себе подопытный гхарр. Случайно, Эльза. Я не настолько выжил из ума, чтобы травиться добровольно.

— Вчера? — неприятная догадка озарила привлекательное лицо.

— Перед вашим приходом. Я устал и принял его за тоник, — бросил скупое Альвар, сдвигая брови к переносице.

Она не спрашивала о большем, и не было нужды что-то объяснять. В его профессии сантименты ни к чему, а с желанием он рано или поздно справится. Хотя бы варховыми ремнями.

— Ясно.

— Мисс Хендрик...

Граймс дернулся, собираясь все же расщедриться на какое-то извинение. Или признание. Или нелепую отговорку.

Второй день он находился под влиянием любовного зелья. И ему стоило признаться в этом раньше!

— Это ничего. Я просто должна была прояснить... Понять, чем вызван ваш интерес, — Эльза поднялась с кушетки, которую

своевольно заняла в его отсутствие. — Не люблю, когда меня пытаются одурачить.

— Я не...

— Теперь я это знаю. Вы и сами жертва обстоятельств. И вы всегда были предельно откровенны в своем ко мне отношении.

Она поджала губы, и Граймс тоже захлопнул рот, так и не выдавив из себя ничего полезного. Такое он лечить не умел. Эльза все верно поняла: как любой теоретик, она в выводах не ошибалась.

«Вы и сами жертва обстоятельств»... Себя она тоже жертвой считает, видимо? Он так плох? Настолько давно не практиковался?

Граймс усмехнулся: и верно! Ритуал. Древний, виззарийский...

Это объясняло, почему Эльза позволила ему к себе прикоснуться. Почему плавилась под ним растопленной свечой. И почему она так холодна сейчас: эффект прошел.

— Но вы молчите, не язвите теперь... — женщина дернула плечом у самой двери, обернулась, глянула на него пытливо. — Моя аура уже не сияет, да?

Без очков ее грустные серые глаза казались не такими большими, как обычно. Но гораздо более красивыми, блестящими.

Гхаррово копыто... Почему «Жетемию» до сих пор не запретили? Надо подать жалобу в Королевский образовательный совет. И копию лично Ее Величеству!

— Сияет. Просто иначе. Но все равно сияет, — скупно бросил, откидываясь в кресле и прикрывая глаза. — Эльза, я хотел спросить, пока вы не ушли...

— Мм?

— Сир Вейрон... Вы давно с ним знакомы?

— Мы вместе учились в Либтоунской академии.

Дверь звонко хлопнула, отрезав Граймса от прочего мира. И от нее.

Он терпеть не мог воздушные суда. На дух не переносил запах взрывающегося темного топлива и бешеные скачки подъемных чар.

Но если до Аквелука из Анжара езды вояжером часов шесть, то на поездку до Либтоуна он убьет весь день. И еще один — обратно. Так что, отчаянно скрипя зубами, этим утром Граймс направился в воздушную гавань.

В академии творился форменный бардак, «исчезнувшая» ассистентка пропала как нельзя некстати. Альвар, оставшийся единственным целителем с правом практики на весь корпус, не мог позволить себе даже нормальный выходной!

Поэтому, повесив халат на спинку своего кресла и демонстративно разложив на столе саквояж, он сообщил практикантке-неумехе, что ненадолго отойдет... По личному, кхм, вопросу.

Вопрос был действительно личным. Таких в жизни Граймса давно не случалось, и от спонтанного интереса, разжигавшего мысли, покалывало ладони.

Он должен понять, что случилось с мисс Хендрик в Либтоунской академии. Так просто девушки не хранят сияющую ауру с десятков лет. А в служительницы храма Имиры она точно себя не готовила.

Версия с кошмаром все явственнее крепла в голове: достаточно было увидеть, каким взглядом Эльза смотрит на хитанского гостя.

Интересный случай... Интересный. И он все время был под носом. Альвар старался не замечать: не хотел увязнуть в чужой истории и в чужой боли. Но последние границы он разломал вчера и теперь не мог игнорировать чутье, толкавшее в Либтоун.

Варх знает, зачем ему было нужно во всем разобраться. Но было. Нужно.

Страховочные тросы отщелкнулись, судно взмыло под самый Звездносвод, и Граймс нервно схватился за поручень. Гхарров воздушный транспорт! Здоровье мисс Хендрик слишком дорого ему обходится. Но раз уж взялся за «лечение»... Граймс никогда не бросал пациентов на полпути.

В Либтоунской академии было довольно живенько. По круглому полигону разлетались искры стихийных спаррингов, на лужайке перед главным зданием группа студентов занималась магической медитацией... Граймс прошагал мимо, наметанным глазом определив вход в больничное крыло.

Ректоры академий имеют привычку скрывать неприглядные факты, способные нанести урон репутации учебного заведения. А вот целители вполне могут поделиться парой интересных историй за чашкой крепкого альта-цитронового отвара.

— Так что привело вас в Либтоун, дорогой коллега? Присматриваете новое местечко? — седовласый маг в приличных годах поставил кувшин на низкий стол. — Ректор давно намекает, что мне пора на покой...

— Я еще в Анжаре не всех продиагностировал, сир Саливар, — профыркал Альвар, принимая чашку из рук старика.

— С вашей одаренностью вы могли бы практиковать в Хитане, — пронизательные водянистые глаза скребли по лицу Граймса. — Я слышал, вас даже приглашали... Эррен тесен, все про всех знают.

— Хитана шумна. И дурно пахнет.

— Ну уж лучше Аквелука, — скрипуче засмеялся старый целитель. — Так что за интерес заставил самого Альвара Граймса покинуть удобное кресло на отшибе мира?

— Кое-что случилось здесь. Лет восемь-двенадцать назад, — он покрутил в пальцах чашку и осторожно отпил.

— Всякое бывало за эти годы, — развел руками Саливар.

— Я могу предположить, что в этом была замешана девушка. Эльза Хендрик, — Граймс постучал по губам. — И юноша по имени Кристиан Вейрон.

— То была страшная история, — покивал старик. — Ровно десять лет как минуло с тех пор. Я помню точно: тогда тоже был канун Весенних даров. Вам ли не знать, дорогой коллега, что в эту ночь от студентов можно ожидать всякого.

— Хотелось бы подробностей, дорогой коллега, — с тяжелым вздохом Граймс поставил чашку. Эти танцы его утомили.

— Обратитесь к ректору, он поднимет записи, если сочтет нужным, — собеседник не собирался облегчать ему жизнь и хладнокровно пожал плечами. — Тогдашний ректор, сир Дарриус, уже отошел от должности, передал дела новому... А я не консультирую ищеек, мой дорогой. И не раскрываю истории болезней моих пациентов.

— И не раскрывайте, — поспешно согласился Граймс. — Просто расскажите мне сказку. О страшном-страшном дне весенних даров... Эльза Хендрик теперь моя пациентка. Я бы хотел понять, как ее лечить.

— Вот как?

— Как-то так, — Альвар сцепил пальцы в замок и поджал губы в ожидании. Непробиваемый старик!

— Здесь рядом, на окраине Либтоуна, есть древний подземный храм Имиры Сиятельной, — смилостивился Саливар. — Было время, туда экскурсии водили. А затем это стало опасно, и место огородили чарами.

Старый целитель поднялся со своего кресла и прошелся по небольшому, скупо обставленному кабинету. Здесь не было кушеток и шкафов с медикаментами. Личное пространство, созданное для бесед и бумажной волокиты. Граймс никогда не просил себе отдельного помещения, ему хватало стола в диагностическом.

— Той ночью храм чудом устоял, — продолжал Саливар, разминая ноги. — Прямо под алтарем случился сильнейший разрыв материи, вырвалось много тварей изнанки.

— Разрыв? — удивленно переспросил Альвар.

Он ожидал услышать другую историю. Полную боли и унижений.

— Маг-гвардейцы, следившие за священной землей и получившие сигнал с экрана, подоспели вовремя, — покивал старец. — Они окутали святыню укрепляющими чарами и вытащили пострадавших на поверхность. Сильнее всех досталось девушке, она долго не могла прийти в себя. Ее нашли без чувств прямо под алтарем.

— А Вейрон? — Граймс тоже поднялся и подошел к собеседнику.

— Его среди пострадавших не было, — Саливар плотно сжал губы и медленно выпустил воздух через нос. — Но, не буду скрывать, слухи ходили... Ходили, да.

— Что за слухи?

— Что он затеял один опасный ритуал и обманом уговорил юную сирру Хендрик стать добровольной жертвой. Но доказательств не было, а сама она не назвала никаких имен.

Горло обожгло горечью, и Граймс расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Я уговаривал ее написать заявление ректору и все в нем подробно рассказать. Девушка попала ко мне в руки, и я определенные выводы сделал... О том, что там произошло, — хмуро объяснял старик. — Но она и рта не раскрыла. Только потребовала забрать у нее практические часы и статус сирры. И перевелась в другой корпус, на теормаг.

Значит, ритуал. В ночь сиятельных даров. Что может добровольно пожертвовать невинная девица в забытом храме?

— Когда ее ко мне доставили, я диагностировал сильнейшее изнеможение. Магическое истощение, эмоциональное. По телу шли ссадины и ушибы, — монотонно перечислял целитель. — Картина была схожа с той, что я видел как-то... после применения одного зелья. Допускаю, что ей дали его насильно. Девушка горела, агония мучила ее. Любовная агония, коллега.

— «Жетемиа»? — догадка вышла крайне горькой.

— Весьма популярна у студентов в канун «Весенних даров», — покивал в окно Саливар. — Ее сияющая аура давала мне понимание, что непоправимого не случилось, но... С этим ведь надо потом как-то жить, сир Граймс?

— Как-то жить...

— Никто не понес наказания, — целитель постучал пальцами по подоконнику. — Завершив учебу, мисс Хендрик сразу покинула академию, даже на выпускной бал не осталась. И больше сюда никогда не возвращалась.

Глава 8

Его отсутствие в кабинете все же заметили. Это читалась по раздраженным лицам магов, дожидавшихся Граймса в диагностическом. Один только Райс выглядел отстраненным и безучастным.

Вот Джонаса, судя по дерганым движениям, пожирало беспокойство. Надо бы ему капель успокоительных выписать: больно нервная бедняге досталась должность.

— Имею счастье наблюдать, что мазь мисс Лонгвуд творит чудеса, — сухо пробормотал Граймс, проходя мимо цветущего Вейрона к своему столу. С лица хитанского хирурга уже сошло покраснение, и следы побоев стремительно затягивались. — Превосходно, превосходно... Я выдам вам еще один флакон.

— Не нужно. Как видите, мне уже намного лучше, — осек его Вейрон, но Граймс упрямо полез в ящик. Нашел там восстанавливающую голубую мазь и бросил в руки хирургу.

— О нет, не отказывайтесь! Она вам непременно пригодится, — заверил гостя и, обогнув стол, с размаху «осмотрел» его челюсть. И еще раз. И еще...

Кулак старательно ощупывал загорелую кожу. Везде, куда мог дотянуться. *Эту* вархову «диагностику» хирург из Хитаны вполне может и не пережить. Не зря про Граймса рассказывают страшилки.

— Граймс! Что вы творите? — задохнулся где-то в другой вселенной ректор, но Альвар уперто наносил удар за ударом, метя ровно в привлекательную физиономию.

Райс слишком много живых мест на ней оставил, и это надо было срочно исправлять. Срочно!

— Альвар... Угомнитесь... Будет прискорбно, если мы оба потеряем работу, — прохрипел Райс в его ухо, без особого усердия оттаскивая целителя от Вейрона.

Тот изображал пострадавшего, отмахиваясь от Альвара без всякого энтузиазма. Всего пару раз попал в челюсть и разок в ухо. Берег руки? Боялся повредить умелые пальцы? Или ничего, кроме магической хирургии, не умел?

Граймс с болезненным рыком вернулся к «диагностике». Он хотел быть побитым не меньше, чем сам отделает Вейрона.

Варх дери! Он даже в академические годы в студенческих драках не участвовал, считая их полным абсурдом. Предпочитал сражаться в уме и на словах: порой речь ранит сильнее. Но сейчас...

Нет, сейчас ему надо было ощутить вкус крови на разбитых губах. Шум в ушах, звон в ушибленной голове. Слишком мало людей было наказано за сотворенный кошмар.

— Граймс, вы ли это?.. Не узнаю вас, ей Варху, — прохрипел Райс, все-таки оттащив целителя от хирурга.

— Не вам меня осуждать, — надсадно выдал Альвар, отрешенно глядя на сбитые в кровь костяшки. Боли он не ощущал, только в голове гудело так, словно в ней взрывалось темное топливо. — Запихните его в разрыв, Кейр... Пока я ему голову не оторвал. Он там целее будет...

— Ну это уж вряд ли, — засомневался магистр, усаживая шатающегося Граймса в кресло. — Что на вас нашло?

— Я не знаю... более низкого создания... чем *это*, — Альвар ткнул пальцем в столичного сира. — Ваши твари изнанки, Кейр, — милейшие зверюшки в сравнении с этой вот... тварью...

— Когда вас начали волновать чужие низости, док? — с горькой усмешкой уточнил Райс, предупреждаяще разворачивая в ладонях шокирующее плетение. Не от Альвара — от Вейрона, поднявшегося с пола и зло устремившегося к столу. — Уймитесь, сир из Хитаны. Вам выдали мазь? Вот и пользуйтесь.

Руки Эльзы приятно охладили кожу, и Альвар планировал растянуть внезапное удовольствие так надолго, как получится.

К сожалению, получилось ненадолго. Обработав раны губкой, смоченной в заживляющем растворе, мисс Хендрик поспешно убрала пальцы с его лица.

— Вы с Райсом будто помешались, — неодобрительно ворчала женщина, стирая с нежных рук его кровь. — Больше заняться нечем? Пациенты кончились, Граймс? Решили сами новых наделать?

— Отличная версия, Эльза. Именно так и решил, — снисходительно покивал невыносимой мисс Хендрик.

Она прибежала на шум в кабинете и стойко вытерпела яростный взгляд Вейрона. До чего сильная девушка, если вдуматься... Если

вдуматься. «С этим ведь потом надо как-то жить?».

— А вы зачем сюда притопали, моя драгоценная? — сощурился припухшим глазом.

Похоже, мазь мисс Лонгвуд и ему самому понадобится. Хорошо, что в ящике есть запас.

— Я так и не получила результатов диагностики моих учениц. Танны ди Маюрте и Олливи Эльтор, — пропыхтела нервно. — Вы их осмотрели, Альвар?

— Осмотрел. И выдал им лекарство, — заплетающимся языком признался Граймс. — Все с вашими девочками будет в порядке, легкая непереносимость темной материи. Райс, как обычно, переусердствовал.

— А я говорила!

— Говорили, — улыбнулся в строгие серые глаза.

До чего она странная. До чего необычная. До чего красивая...

И до чего дрянная ему попалась «Жетемия»! Эффект должен был сойти на нет еще вчера!

Вздыхнув судорожно, Эльза приложила примочку к его разбитой губе. То ли из сострадания, то ли чтобы не испортил беседу едкой колкостью, которая так и рвалась изо рта.

Он талантливо умел все портить. Что верно то верно.

— Могли бы хотя бы магией, — бубнила, нависая над его лицом. — Вы-то, в отличие от меня, практикующий сир!

— Магией не так приятно.

— Вам еще и приятно было? — ошеломленно оторвала руку.

— Разумеется. Я исключительно о своем удовольствии заботился, моя сверкающая, — сосредоточенно заверил «теоретичку» и кивнул на дверь. — А теперь топайте отсюда. Топ-топ-топ.

Варх, да когда же его отпустит?

Дождавшись, пока Эльза скроется из виду, Граймс достал из ящика мазь Алиссы. Покрутил голубую баночку в руках и ухмыльнулся своей догадке. Не Варх весть какой гениальной, однако...

Однако, судя по озадаченным лицам вокруг, он из присутствующих самый проникательный. Пока Райс, Джонас и помятый хирург искали следы сбежавшей рыжей ассистентки... Он нашел ее саму.

Выбравшись из-за стола, он отсалютовал ректору и вышел в прохладный коридор. Где мисс Лонгвуд может быть сейчас, пока эти трое топчутся в диагностическом? Альвару, гхарр его задери, нужны ответы.

Светленькая копна вьющихся волос мелькнула и скрылась на другом конце коридора. И Граймс припустил следом.

Почувствовав его пристальный взгляд, иномирянка, вывалившаяся из портала прямо в их болото, ускорила шаг. Сейчас, следуя за ней по пятам, Граймс с легкостью узнавал все. И походку, и жесты, и вот это нервное подергивание острых плеч.

Удивлялся, до чего слепы Райс и Вейрон. Но клятвенно обещал себе не лезть в чужую игру. Раз Алисса решила «сбежать», значит, у нее были на то причины.

— Стойте... Стойте, мисс Лонгвуд. Вы попались, а я изрядно побит, так что давайте прекратим варховы догонялки, — профыркал ей в спину, и беглянка замерла.

Дернулась, собираясь инстинктивно броситься за поворот. Но, вздохнув, повернулась к главному целителю.

— Вы ошиблись, с... сир, — протянула она, хлопая голубыми глазищами. — Я Вика. Виктория. Из Хавраны.

— А я Керрактский демон о длинных красных рогах. Вывалился порталом, чтобы съесть вас, Ви-и-ика из Хавраны, — загробным голосом провыл Граймс и подошел к девушке. Ну до чего не вовремя она со своим побегом! — Ой, прекращайте, я узнал вас в гриме. Я же не слепой, в отличие от Райса.

— Кто вас так отделал, сир Альвар? — она пригляделась к помятому начальнику и горестно вздохнула. Собрала на пальцах золотистый сгусток целительской магии. — Давайте обработаю, пока никто не видит.

— Стойте... Тише, «Вика», — взял ее пальцы в свои и осторожно скомкал чужой пульсар. — Переживу. Вы мне вот что лучше скажите, милочка. Какого гхарра вы «Жетемию» переставили на полку с моими тониками?!

Рык получился громче, чем он планировал, и Граймс дернул беглянку за угол и перешел на шипение.

— Так вот, — продолжил тихо, — какого гхарра...

— Я не переставляла.

— Врете, — прибил девчонку взглядом.

Ох уж эти любительницы порядка, с полным бардаком в личной жизни!

— Я настоящую «Жетемию» убрала в коробку. И на дальнюю полку в самый край задвинула, — пояснила она торопливо. — А к тоникам вашим... Ох, я, наверное, машинально.

— Так... и что вы? Машинальная моя? — поторопил ассистентку, заслышав тяжелые шаги по коридору.

Ее голубые (впрочем, обычно зеленые) глаза в ужасе расширились.

— Я взяла ваше тонизирующее снадобье и подкрасила розовым. Экетки переклеила и подписала «Жетемией», — шептала девушка, поспешно уводя его за другой угол. — Хотела вернуть на полку, где у нас обычно «любовные» стоят. Но задумалась и... Я ведь знала, что внутри тонизирующее. И по весу флаконы такие же. Вот и поставила к тоникам, наверное.

— И зачем же вы, моя... голубоглазая, это все попереподписывали?!

— Так чтобы в ночь весенних даров непоправимого не случилось! — воскликнула она взволнованно. — Чтобы настоящую «Жетемию» никто случайно не выпил. И намеренно — тоже.

— Непоправимое тем не менее случилось, — ноздри Граймса затрепетали. — Я ее выпил!

— Но не ее же? Не из коробки? — щебетала мисс Лонгвуд, раскрасившая его последние ночи крайне волнительными событиями.

— Да Варх теперь разберет! Если не из коробки, тогда какого гхарра?..

— Какого гхарра что?

— Забудьте, — отмахнулся в сердцах и максимально язвительно хмыкнул. Надо было хоть куда-то сцеживать скопившийся яд. — У вас, как я посмотрю, своих проблем хватает.

Он уже собирался отпустить беглянку, как вдруг вспомнил про еще одну «жертву» чьей-то безобразной халатности. И задержал мисс Лонгвуд за дрожащий локоток.

— Сдадите меня? Им? — она шумно набрала воздуха носом.

— Не собирался. Бегайте сколько хочется, — великодушно разрешил Граймс. — Я тоже, признаться, сегодня сбежал с работы...

Это весьма бодрит. Но мне от вас нужна услуга, Алисса. В обмен на молчание.

— Какая? — послушно уточнила ассистентка, оставившая его без помощи и выходов.

Но, может, Эльза и права. Конечно, права. Если девушка бежит от Кристиана Вейрона, у нее есть на то причины.

— В ночь весенних даров студенты Райса проводили необычный виззарийский ритуал. С... кхм... «преподавательским барахлом», — процитировал он магистра и пытливо уставился на девушку.

— Ах, эти... *эти!* Еще как проводили, — прошептала возмущенно. — Заколку мою украли. И гребень мисс Донован. И...

— Там была расческа?

— Я не...

Эльза жаловалась той ночью, что у нее пропала расческа. Это так взволновало преподавательницу, словно аксессуар был изготовлен не меньше, чем из чистого золота. И присыпан розовыми крыльями трисольских фей.

— Давайте так, мисс Лонгвуд, — подтянул покрасневшее лицо к своему помятому носу. — Сейчас вы идете в кабинет магистра и тихонько берете оттуда все барахло, что было в пентаграмме. Приносите мне и обмениваете на мое великодушное молчание. Договорились, «иномирянка»?

— Договорились, — кивнула она, недовольно хмурясь.

Граймс и сам бы предпочел не рыться в чужих вещах. Однако в этой игре давно не было никаких правил, а главным призом являлась истина. Которую он готов был получить любой ценой.

Алисса сдержала слово. Спустя час, когда его кабинет был оставлен гостями и передан в распоряжение главного целителя, девушка вернулась с полными карманами чьих-то личных вещей.

Медальон, гребень, часы, ручка, шиватель аур... Студенты к своей шутке хорошо подготовились. С огоньком.

— Это все, что было? — поднял подбитый глаз на младшую целительницу.

— Заколку я оставила себе. Не забудьте вернуть магистру, как наииграетесь, — упрямо потребовало голубоглазое наваждение и скрылось за дверью.

Граймс устало поднялся с кресла и добрал до шкафа со снадобьями. Осмотрел полку с тониками, впереди которых выстроилась стройная шеренга розовой «Жетемии».

Открыл первый подвернувшийся флакон, понюхал, осторожно попробовал на язык. Аккуратно снял этикетку, наклеенную поверх надписи «*Восстанавливающее снадобье А.Г.*».

Достал из глубины коробку, набитую похожими бутылками. Сравнил запах, цвет... Значит, вот почему он ночью не ощутил разницы во вкусе. Тоник и был тоником. Просто подкрашенным.

И личных вещей Эльзы в той пентаграмме не было... Ни одной самой захудалой расчески.

Тогда какого гхарра его до сих пор не отпускает? А в груди бухает так остервенело, будто бы он, главный циник Эррена, влюбился совершенно по-настоящему?

Глава 9

Эльза Хендрик

Вчера я плакала. Впервые за долгое время плакала. И со слезами приходило странное облегчение. Словно заковыристое проклятье, все эти годы лежавшее на моих плечах, рассыпалось щекотной пылью и опало на мокрый зеленый мох.

И сама не смогла бы объяснить, чем вызван вархов потоп, который я устроила в оранжерее-лаборатории без всякого поливального артефакта. Радость смешалась с болью, наслаждение с горечью, обида с освобождением...

Я понимала, что рано или поздно действие ритуала, столкнувшего нас с Альваром, закончится. Оставив лишь послевкусие, которое будет одновременно горьким и сладким. Я вновь возведу крепкий барьер, он вновь начнет плевать в него остротами, пробивая защиту... Филия отцветет, и даже розовые лепестки не будут напоминать о случившемся.

Пожалуй, я втайне буду тосковать по этим минутам. Может, не совсем настоящим. Может, вызванным ошибкой в виззарийской пентаграмме или чьим-то неверным переводом...

Но разве было в моей жизни что-то более настоящее, чем этот мокрый мох, ласкающий щеку? И жаркий недовольный шепот в ухо, что «вархова Эльза умудряется слепить даже с выключенной аурой»?

Вспомнит ли сам Граймс хоть когда-нибудь о минутах страсти под фиолетовыми светильниками? Да нет, вряд ли у главного целителя академии много лишнего времени, чтобы перебирать список «встреч» за всю жизнь.

Вчера мне отчего-то казалось, что это случится утром. Эффект от ритуала рассеется, шутка обратится звонким смехом. Точно... Это будет на рассвете.

Пытаясь растянуть мгновения, пока мое тело еще горит, пока в груди в странной анжарской польке припускает сердце, я пришла в целительский корпус. Кресло Граймса пахло этим несносным мужчиной, во второй раз сбежавшим из «постели».

Я вытерла хлюпающий нос салфеткой, продышалась, прогоняя ненужную сентиментальность. Выбросила скомканную бумагу в урну и наткнулась глазами на розовые осколки.

Я видела такие уже. Десять лет назад. От бутылка, что выпал из кармана Вейрона на каменный алтарь забытого храма. Дрянные воспоминания вернулись. Догнали меня даже здесь, даже в «безопасном» месте.

Док не стал отпираться. Не стал рассыпаться в ненужных извинениях. За что стоило ценить Альвара Граймса — так это за прямолинейность, режущую порой с хирургической точностью...

Наутро стало больнее. От отрезвляющей реальности, от «Жетемии», вновь вторгшейся в мою жизнь. И еще оттого, что действие ритуала не прошло с рассветом. И я начала нервничать, что этот жар в груди со мной навсегда.

Все повторялось!

Я снова сторала в любовной агонии, глядя в холодные глаза мужчины, которому нет никакого дела до моих чувств. Растерянно наблюдала за убегающей улыбкой, промакивая кровь на его губах.

Произошло очередное невероятное: Граймс подрался с Вейроном. Да еще как подрался! С размахом! Я слышала шум переворачиваемых стульев в диагностическом кабинете. Зачем туда шла? Зачем-то. Как обычно, зачем-то.

Вид измятого лица и разбитых в кровь кулаков поверг меня в такой шок, что я позабыла про полагающуюся случаю холодность. Расторопно нашла губку и снадобье, приложила к покрасневшей щеке. И только потом осознала себя стоящей над Граймсом, кривящим губы в блаженной улыбке.

Злобный взгляд Криса отскочил, натолкнувшись на ледяной кокон, что меня окружал. Не оставил следа. Рядом с Граймсом я чувствовала себя необычно сильной. Но и слабой, как новорожденный гхарр.

Все сильнее хотелось узнать, от чего бежит мисс Лонгвуд. Чем Вейрон так обидел младшую целительницу, что за нее вступилось уже двое мужчин? Это не моя тайна, но я могла Алиссу поддержать. Рассказать ей о том, о чем никому никогда не рассказывала.

Тогда, десять лет назад, я тоже сбежала. Промолчала, но не потому, что боялась Криса и его «обширных связей в нужных кругах».

Просто всякий несет ответственность за то, что совершил. И всякое решение имеет последствия...

Кристиан был лучшим целителем на курсе. Поистине, одаренным хирургом. Он жил своей работой, отдавался ей со всей страстью. При совершенно мерзком нраве, он спас немало жизней в Тарлине, а потом и в Хитане.

Разве могла униженная, уязвленная Эльза Хендрик взять и решить за весь Эррен, нужен ли миру *такой* целитель? Я оставила этот выбор за судьбой.

Звезднозвезд окрасился темно-синим, явив весенний вечер во всей красе. В закрытое окно неистово бился вихрь розовых лепестков. Словно ему нужно было срочно попасть именно в мою спальню. Вопрос жизни, Варх побери, и смерти!

Судорожно набрав воздуха в грудь, я решительно задернула штору. Хватит с меня липовой романтики и ненастоящих чувств!

Мне не двадцать лет, я уже не «малышка Эль», которой можно голову задурить. Я преподаватель «Теории магии», ответственный за несколько десятков учеников. В конце концов, я пример подавать должна, а не бросаться в первых рядах в омут Варх знает чего.

— Эльза, откройте! — вместо стука прикрикнул на дверь Граймс.

Видно, чтобы очередным боевым пульсаром стену не украсила.

— Сегодня я с вами никуда не пойду, — заявила мужчине, едва он вошел.

Глядела безотрывно в светло-серые глаза. Не пойду! Больше никаких секретных мест и личных территорий Альвара Граймса.

— Сегодня я вас никуда и не приглашал, — обидно выдал он, поджимая губы. — Принес вам кое-какие вещицы... на опознание.

— Какое еще опознание?

— Диагностическое! — раздраженно фыркнул целитель, потроша свои карманы на мою постель. — *Это* ваша расческа?

Помахал в воздухе деревянным гребнем, и я растерянно помотала головой. Что за нелепую игру он опять затеял?

— Нет, это гребень мисс Донован, — выдала скупое, созерцая бардак на покрывале.

— Тогда, может, это? — мне продемонстрировали чей-то медальон.

— Это вообще не...

— Или, Варх дери, вот это? — рявкнул, отбрасывая на подушку часы на цепочке.

— Что за спектакль, Граймс?

— А вы сядьте вот здесь, моя драгоценная, — свирепо ткнул на покрывало рядом с кучкой чужих вещей, — и подумайте хорошенько!

Граймс хлопнул дверью так, словно пытался сорвать ее с петель и навсегда разрушить границы моего личного пространства.

Я села, растерла похолодевшие плечи, почесала пяткой о пятку. Тишину за окном разрезало шумом отъезжающего вояжера, и я вздрогнула. Вышла из оцепенения. Причем тут чужие медальоны и часы? И моя пропавшая расческа?

Тем более, что искать я ее не просила. Знала уже, где она. Да все не решалась подняться в кабинет магистра и в открытую попросить свою вещь обратно.

На кровать запрыгнула черная каффа, проехала по моему бедру огромным хвостом и улеглась на часах с цепочкой. Я даже не дернулась: настолько глубоко погрузилась в свои мысли. Отрешенно почесала одичавшую беглянку за ухом и повинилась:

— Прости, я теперь вижу, что расческу брала не ты.

Покосилась на каффу, поймала ее умный взгляд. В узких щелках зрачков имелись ответы, но едва ли мы могли обменяться мыслями.

Странная догадка коснулась сознания. Может, Граймс первым сходил к магистру? И это и есть вещи из пентаграммы?

Я порывисто встала и выбралась в коридор спального корпуса. Пошла вперед, в надежде, что ответ сам меня найдет.

Добрела до ученических комнат, по пути отчаянно вспоминая ускользавшую картинку. Ночь весенних даров, девушка и парень. Они спешат укрыться в темноте, поборов робость первого свидания... И прическа той студентки на диво хороша, волосок к волоску!

— Мисс Хендрик! — Танна выскочила из своей комнаты и вытаращила на меня огромные карие глаза. — Простите... Ох, Имира Сиятельная... Простите, я как раз собиралась вернуть!

В темных пальчиках она сжимала ее. Мою расческу. С гхарровой розовой инкрустацией.

— Мисс ди Маюрте... Вы осознаете, что за вторжение в спальню преподавателя и воровство его личных вещей вам полагается...

— Полагается, — всхлипнула девушка, с отчаянием во взгляде протягивая мне расческу. — Мои волосы... с детства... просто кошмарны...

— Меня это не должно...

— Будто проклял кто! Только помоешь — и они в разные стороны... пружинами... А Берроу на свидание позвал, и я... я слышала, что ваша расческа заговорена и поистине творит чудеса...

Ох, знала бы Танна, сколько «чудес» случилось из-за одной расчески! Непоправимых!

— Возьмите. И простите. Пожалуйста, — взмолилась девушка. — Я буду вам самой старательной ученицей, только не пишите на меня...

— Оставьте себе, мисс ди Маюртэ, — вздохнула с неожиданной теплотой.

Помнила я, каково это, отходить все курсы с непослушными волосами.

...Когда вернулась в свою спальню, каффы на постели уже не было. Она никогда долго не сидела на одном месте и, как водится, сбежала.

Я подошла к окну, отдернула штору. Глянула с грустной улыбкой на вихрь лепестков, рвущийся в гости. Схватила за ручку и решительно потянула на себя.

И дышала, дышала, не в силах надышаться, наполниться ароматом весны. Которая всегда была рядом, да я не замечала.

Последний раз я с таким азартом искала мужчину... Боги Эррена, да никогда не искала!

Граймс не нашелся ни в диагностическом, ни в оранжерее-лаборатории, ни в палатах, ни у себя дома. Похоже, он сам решил потеряться. А если уж Альвар что-то решил...

Я мяла темный газон перед его домом новыми круглоносими туфлями и кидала обреченные взгляды на Звездносвод. Где же он пропал?

Ежась от вечерней прохлады, куталась в тонкую кофту и наворачивала круги. Начинало моросить, и пребывание на анжарском воздухе становилось все менее комфортным.

Он упоминал, что иногда остается ночевать в деревне. Что нечасто радуется свою спальню визитами. Но хотелось верить, что сегодня не тот

день: мне нужно было сказать.

Сообщить, что я села, как он и велел. Подумала. И поняла. Дело вовсе не в виззарийском ритуале. Во всяком случае, у меня... Но и «Жетемии» я не пила.

Как так со мной вышло? Может, романтика Ахавы, а может, это не сегодня все началось.

Да, наверное, не сегодня.

— Мисс Хендрик, вы невозможны! — раздалось из-за кустов, и только потом на дорожку выплыла фигура целителя. В плаще и со знакомым чемоданом.

— Что?

— Я вас лечу, лечу, а вы снова заболеть норовите, — пояснил Альвар, приближаясь.

— Вы откуда так поздно? — я нервно уколола каблуком газон.

— Был в имении Кольтов, — Граймс тряхнул головой, смахивая с волос дождевые капли. — Осматривал юную миссис Кольт, ожидающую первенца.

— Надеюсь, она пережила диагностику, — сглотнула, рассматривая помрачневшее лицо.

— А я как надеюсь! — Граймс еще сильнее сдвинул брови. — Шутки с Грегори Кольтом плохи. Можете не верить, но в его доме даже я стараюсь держать рот закрытым.

— И больше им пригласить было некого?

— Есть определенная вероятность, что я лучший целитель в округе... Что вы забыли здесь в такой час, Эльза? Я устал. Невыносимо устал.

Он поставил саквояж на траву и выжидающе уставился на меня. В дом не приглашал и, видимо, моей компании этим вечером не желал.

— Я нашла свою расческу, — сглотнула соль, скопившуюся во рту. — Ее брала одна из моих учениц и забыла вернуть.

— Ясно. Я рад за вас и вашу расческу. Чудесное воссоединение, достойное Эрренских легенд!

— Выходит... Выходит это было все мое, — облизнула губы, чувствуя, как стремительно пересыхает в горле. Еще немного — и слова выдавить не смогу.

— Вас так удивляет, моя драгоценная, что вы способны испытывать влечение к циничному, язвительному, отравляющему все

вокруг типу вроде меня? — он нервно поправил мокрый медный завиток и прошагал к дому.

Встал, вернулся за чемоданчиком, снова на меня пристально посмотрел.

— Меня удивляет, что я вообще способна испытывать влечение, — призналась шепотом. — А вас уже отпустило, стало быть? Эффект от «Жетемии» прошел?

Граймс молчал. Так осязаемо, что меня придавило тяжестью тишины.

— Боги Эррена, я вовсе не о том! — вспыхнула, сгорая заживо в собственном стыде. — Я не затем сюда...

— А может, затем, моя по любому поводу краснеющая мисс Хендрик?

Граймс сунул мне в руки чемоданчик и подхватил меня вместе с ним.

— Если вас это успокоит, я могу выпить еще пару флаконов, — пообещал серьезно. — Чтобы уж наверняка...

— Да что вы несете?

— Вас, — пробубнил Граймс очевидное, отталкивая ногой входную дверь.

— Куда?

— Куда-то, где потеплее. На улице сегодня морозно. А еще, говорят, весна!..

Альвар снова утащил меня наверх. Поставил возле кровати, окинул внимательным взглядом. Сбросил с себя мокрый плащ, с постели — клетчатый плед... И принялся основательно избавлять меня от одежды. От кофты, от туфель, от влажной юбки, облепившей ноги.

— Я принесу теплое одеяло, вы замерзли, мисс Хендрик, — пробубнил неодобрительно и дернулся к шкафу, но я остановила его за запястье.

— Мне не холодно, — покрутила головой. — Здесь, с вами, больше не холодно.

Граймс приблизился, согрел меня в объятиях. Смял губы долгим, обстоятельным поцелуем и уложил на подушку. Навис сверху, сдул с плеча кружевную лямку. С ним было очень, очень тепло.

Я прорисовала пальцем извилистую царапину над его бровью. Руки бы Вейрону поотрывать, ей Варху! Портить такое красивое лицо.

— Эльза... — вздохнул Альвар, собираясь в чем-то признаться. — Я был сегодня утром в Либтоунской академии.

— Что?!

— И общался с сиром Саливаром. Он до сих пор там целительствует.

— О боги...

— Мы говорили о том, почему вы отказались от практики и...

— Так вы все знаете? — я ошеломленно распахнула рот и нервно заерзала.

Граймс мягко вжал мое плечо в подушку, не давая сбежать. Отвернуться от его цепких глаз.

— В общих деталях, — наморщил лоб. — В общих деталях...

Зачем он расковырял мое прошлое? Меня вполне устраивало жить в настоящем. Там, где все реально и осязаемо. И не больно.

— Жалете меня? — я обиженно поджала губы.

— Нет, что вы... Как такой прожженный циник, как я, может жалеть наивную девицу, оказавшуюся в омерзительной ситуации? — он картинно поднял брови, сам себе «удивляясь». — Я обязан сказать что-то о безголовых квахарках, которым в детстве мозги ампутировали...

— Да, обязаны, — я нахмурилась. — Скажите.

— Я потом скажу. Как получше сформулирую, — он с силой прижался теплыми губами к моей щеке и требовательно прошептал: — Расскажите мне, Эльза, что там было.

— Я не хочу. Зачем?

— Надо же мне поставить диагноз, чтобы подобрать правильную терапию? — проворчал строго.

— Я уже справилась с этим. Более-менее.

Я завозилась под ним. Тяжелым и горячим настолько, что это сбивало с толку и лишало разумных мыслей.

— Меня обманываете или себя?

— Вас, — выдохнула искренне.

— Тогда давайте сразу перейдем к той части, где обман не удался и вы честно во всем признаетесь. Чем быстрее вы все расскажете, тем быстрее мы вернемся к целительской процедуре.

Так это был вархов шантаж!

— Крис напоил меня «Жетемией», — выдохнула, отводя глаза. — Мне стало дурно в студенческой столовой, и он подал стакан воды. А потом смотрел... Долго, пристально, впечатывая свой образ мне в сердце. Эффект вы... знаете.

— Я бы послушал детали.

— Я вся горела на том алтаре, — зажмурилась, вспоминая то, что мечталось забыть. — Тело не слушалось, сходило с ума. Вейрон вжимал меня в тот камень и... Это были самые худшие минуты в моей жизни. Я так... так боялась. Боялась, что это случится там, так. При всех. При Меридит и прочих... Для кого я просто «кошмарная Хендрик», которую даже не жалко...

— Ясно.

Он резко повернул меня и закинул наверх, усадил к себе на живот.

— Вот так, Эльза. Вот так, — погладил по бедру, устраивая поудобнее. — Тебя больше никто никуда не прижмет, пока сама не захочешь. Договорились?

Я с недоверием окунулась в умные глаза. Глядеть на Граймса сверху вниз было непривычно. Но приятно.

— И должен признаться, мисс Хендрик... — он погладил меня по щеке, вызывая знакомую дрожь во всем теле.

Сумасшествие какое-то!

— Мм?

— Нынешняя «Жетемия» оказалась какой-то просроченной... Возможно, что тоже пролонгированного воздействия.

— Насколько пролонгированного? — уточнила с недоверием.

— Кто знает? Я целитель, я не готов бросаться непроверенными фактами, — Альвар пожал плечами, аккуратно поддерживая меня за поясницу, чтобы не скатилась на пол. — Возможно, что навсегда.

Конец

История сира Райса и Алиссы Лонгвуд — «Анжарская академия. Темный магистр исцелению не подлежит» (прим. автора).

От автора

Дорогие читатели!

Данная история — мидквел к роману «**Анжарская академия. Темный магистр исцелению не подлежит**». Основная книга посвящена сиру Кейру Райсу и Алиссе Лонгвуд, в ней мы встречаемся со всеми героями вновь. Также важно отметить, что впервые с мисс Хендрик и Граймсом читатели познакомились в истории «**Проклятие зеленоглазое, или Тьма ее побери!**».

Рекомендуемый порядок чтения книг цикла «Веер Междумирья» (все истории — самостоятельные однотомники, связанные миром и персонажами):

«Властелин моих кошмаров, или Невеста на обмен»

«Проклятие зеленоглазое, или Тьма ее побери!»

«Анжарская академия. Темный магистр исцелению не подлежит»

«Анжарская академия. Теория и практика любовных чар»

«Сдавайтесь, мистер Уэйн! или Мой волшебный арест»

Жду вас в своих новых историях!